

ВОЙНА И МЫ

СЕРГЕЙ ПЕРЕСЛЕГИН

**ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ**

ВОЙНА МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЯМИ
КНИГА ВТОРАЯ

Война и мы

Сергей Переслегин

**Первая Мировая. Война между
Реальностями. Книга вторая**

«Яуза»

2016

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

Переслегин С. Б.

Первая Мировая. Война между Реальностями. Книга вторая /
С. Б. Переслегин — «Яуза», 2016 — (Война и мы)

ISBN 978-5-00155-120-1

ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА СЕРГЕЯ ПЕРЕСЛЕГИНА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ! Вторая книга популярного проекта посвящена детальному анализу всех альтернативных возможностей и скрытой логики длившегося 1056 дней Позиционного этапа войны. Хронологическими рамками этого увлекательного исторического расследования стали окончание Генерального сражения, завершившегося боем у Доггер-банка 24 января 1915 года, и заключение перемирия на Восточном фронте 15 декабря 1917-го, когда впервые с осени 1914 года Мировая война подошла к кризису стратегического масштаба и победа союзников перестала быть гарантированной. «Через бесконечные битвы на западе, на востоке, на Балканах и Кавказе красной нитью проходит единая логика плана Шлиффена и британской «морской» контригры против этого плана. Исследование перипетий Генерального сражения в неочевидных взаимосвязанностях отдельных боев и целых кампаний, во взаимодействии фронтов, в игре оперативных планов и тактических идей – важнейший этап овладения искусством стратегии. «Доигрывание» носит совершенно иной характер. Вопрос о победе и поражении, по существу, решен: Антанта должна выиграть, Центральные державы проиграть. При более или менее разумных действиях противников ничего другого нет. Проблема состоит в том, что наша Текущая Реальность сформирована не Генеральным сражением Первой Мировой войны, а особенностями ее бесконечного окончания...».

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-120-1

© Переслегин С. Б., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Интермедия 1: «море» и «суша»	10
Стратегия морской силы: управление пространством	12
Стратегия морской силы: борьба за время	21
Великобритания и «дредноутная революция»	23
Флот Открытого моря	31
Флот без боевых задач: Франция, Россия, Австро-Венгрия	36
Сюжет первый: война чисел	38
Позиционная война	39
Кампания 1915 года: планирование на Западе	45
Западный фронт в 1915 году: зима и весна	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Переслегин

Первая Мировая. Война между Реальностями. Книга вторая

© Переслегин С.Б., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

* * *

«Давно уже прошло время лихих атак, и в современной шахматной партии точная и очень непростая реализация небольшого перевеса является почти единственным способом добиться победы. Необычно возросший средний уровень игры шахматистов позволяет им достаточно грамотно и надежно вести борьбу с соперниками, намного превосходящими в практической силе, опыте, знаниях. Поэтому овладение характерными методами использования минимального преимущества является необходимым условием для достижения высот мастерства»

Э. Гуфельд, О. Стецко

«В возникшем теперь интересном эндшпиле (ладья против ладьи, ладьейной пешки и слона на диагонали цвета, противоположного цвету поля превращения пешки) черные должны победить, хоть и с немалым трудом».

З. Тарраш

«Партия вряд ли нуждается в дальнейших комментариях. Несколько ходами ферзевой фланг черных надежно блокируется, и у них нет контригры. Если они сыграют иначе, чем сыграл Маршалл, то они проигрывают иным путем. Во всяком случае, спасти игру черных нет никакой возможности. И такое положение создалось после дюжины ходов и после того, как с доски сняты лишь ферзи и пара пешек!»

З. Тарраш

Генеральное сражение Первой мировой войны завершилось 24 января 1915 года боем у Доггер-банки. Это был 180-й день войны, считая от обстрела Белграда. До конца ее оставалось еще 1387 дней, чего, конечно, никто тогда не знал.

В источниках Первую мировую войну привычно делят на маневренный и позиционный период, где первый – кампания 1914 года, а последний – все остальное.

Я не использую эту классификацию. Более или менее четко разделить события войны на «маневренные» и «позиционные» можно только на Западном фронте. Война на Востоке все время носила подвижный характер. Итальянский и Балканский фронты сначала были стабильными, но в какой-то момент и там, и там начались масштабные боевые действия и темповая война.

Да и на Западном фронте все обстоит не так просто. Уже в битве на Марне четко проявляются элементы позиционности: это бои на реке Урк, Маасские высоты, Рейно-Марнский канал, Лотарингия, а все осенние сражения сводятся к установлению линии неподвижного фронта.

Таким образом, весь «маневренный период» сводится к этапу развертывания войск и первых боевых столкновений и укладывается в август 1914 года.

С осени фронт окончательно застывает и следующие три года остается практически неизменным. Однако кампания 1918 года на Западе носит совершенно особый характер: она, конечно, не позиционная, но и маневренной ее назвать нельзя.

Для меня Первая мировая война четко разделяется на Генеральное сражение и долгое утомительное «доигрывание».

Генеральное сражение относится к «приключениям стратегии». Через бесконечные битвы на западе, на востоке, на Балканах и Кавказе красной нитью проходит единая логика плана Шлиффена и британской «морской» контригры против этого плана. События войны сюжетны и увлекательны, достойны вариантного анализа, то есть поиска альтернативных возможностей. Исследование перипетий Генерального сражения в неочевидных взаимосвязанностях отдельных боев и целых кампаний, во взаимодействии фронтов, в игре оперативных планов и тактических идей – важнейший этап овладения искусством стратегии.

«Доигрывание» носит совершенно иной характер.

Вопрос о победе и поражении, по существу, решен: Антанта должна выиграть, Центральные державы проиграть. При более или менее разумных действиях противников ничего другого нет. И в этом отношении в «доигрывании» отсутствует стратегическое напряжение, нет и напряжения мысли, столь характерного для Генерального сражения.

С чисто военной точки зрения можно обрывать анализ, и в книге о Второй мировой войне я так и сделал: *«...все это не имело никакого значения, и не имело отношения к тонкому искусству стратегии. «За потерянное качество у черных нет никакой компенсации, поэтому дальнейшее, по существу, не требует особых комментариев. Следует лишь заметить, что белые вторую часть партии играли далеко не лучшим образом» (с) Д. Бронштейн. Впрочем, возможно, еще более подходит к ситуации комментарий Э. Гюфельда: «...искушенные мастера в таких позициях сдаются сразу».*

Проблема состоит в том, что наша Текущая Реальность сформирована не Генеральным сражением Первой мировой войны, а особенностями ее бесконечного окончания. И с этой точки зрения изучение доигрывания мне представляется важным.

Рассмотрим, сперва, хронологические ориентиры:

Первый этап, 1915-1916 гг.

План Шлиффена полностью исчерпан. Другого плана у немцев нет, хотя Э. Фанкельгайн и пытается что-то симпровизировать «за доской». Результатом становятся кампании 1915 и 1916 годов. Рейх добивается новых значительных побед, но стратегические результаты обеих кампаний для него отрицательны.

Обе стороны с некоторым опозданием начинают активную борьбу за союзников. Германия договаривается с Болгарией, традиционно ненавидящей Сербию. Антанта покупает Италию, которую ее король и парламент еще осенью 1914 года «выставили на продажу».

Что же касается Антанты, то британский план экономической и политической блокады Германии действует, и с каждым годом оперативное и стратегическое положение Центральных держав ухудшается. В 1916 году происходит Ютландское морское сражение, которое заканчивается с неопределенным результатом. Это резко осложняет игру для Англии, но никак не улучшает ее для немецкого лагеря.

К концу 1915 года у Германии кончились возможные союзники, а дилетантская попытка втянуть в войну Мексику привела только к окончательному переходу США на сторону британской коалиции, причем, это рано или поздно произошло бы и без «депеш Циммермана».

Второй этап, 1917 год.

Э. Фанкельгайн уходит в отставку, руководство Германией переходит к Э. Людендорфу. В это время Германия с большим опозданием и, опять-таки, импровизированно пытается организовать контрблокаду Британских островов. В Англии начинается что-то вроде паники, хотя ситуация все время остается под контролем «Гранд флита».

У Э. Людендорфа на начало 1917 года нет никакого разумного военного плана, кроме «неограниченной подводной войны» и «программы Гинденбурга» для обеспечения роста военного производства. Он играет на случайных шансах и выигрывает: в России происходит революция, Германия получает возможность создать небольшой численный перевес на Западном фронте.

Третий этап, 1918 год, «постпозиционная война».

В 1918 году Э. Людендорф пытается реализовать этот перевес и первоначально имеет успех. Но с середины лета ситуация меняется коренным образом, и к осени Западный фронт оказывается на грани коллапса, в то время как ситуация у союзников Германии давно уже находится за гранью добра и зла. В ноябре немцы просят перемирия.

Четвертый этап, 1919 – 1922 гг.

Сначала – ожесточенные «войны за мир»: Версальский, Севрский, Сен-Жерменский, Трианонский, мирные договоры. Гражданская война в России. «Релаксационные» конфликты в Европе. Этап неустойчивости, который заканчивается Генуэзской конференцией 10 апреля – 20 мая 1922 года.

Не будет преувеличением сказать, что пасхальными договоренностями в Рапалло 16 апреля 1922 года окончательно завершилась Первая мировая война. Но путь ко Второй был открыт даже раньше – на конференции в Вашингтоне 12 ноября 1921 года – 6 февраля 1922 года. Впрочем, если изменить масштаб, то обе мировые войны сливаются в единый глобальный конфликт, а двадцатилетие между ними можно охарактеризовать по Чжоу-Эньлаю как *«продолжение войны иными, а именно ненасильственными средствами»*.

Доигрывание Первой мировой войны содержит мало чисто военных альтернатив, и почти все они относятся к «опоздавшей» к Генеральному сражению Ютландской битве. Зато оно содержит политико-психологическую «развилку», может быть, самую важную в человеческой истории.

В Рождество 1914 года произошел первый случай братания на Западном фронте: английские и немецкие солдаты встретились и даже, кажется, сыграли футбольный матч. Считается, что в неофициальном перемирии участвовало 100 тысяч человек. Командование с обеих сторон отнеслось к этому, в лучшем случае, кисло, не сумев оценить возможные перспективы.

К этому времени стоимость войны – и в человеческих жизнях, и в материальных ресурсах, и в золоте уже превысила все разумные пределы и любые довоенные расчеты. Начался кризис военного снаряжения. Здесь нужно было прекращать войну, и братание в Рождественскую Ночь давало к этому долгожданный повод.

Но мир мог быть заключен только на признании неоспоримого факта поражения Германии. А к этому не были готовы ни военные, ни политические лидеры Второго Рейха. Здесь я должен сказать, что весь период «доигрывания» отличается в Германии своеобразной «стратегической шизофренией». Война, конечно, проиграна, и руководство страны это понимает. Но верит оно в победу! В результате вместо каких-то шагов к примирению постоянно обсуждается, что еще нужно будет потребовать после этой победы с Франции, с Бельгии, с России, с Сербии, даже с Голландии, которая ни с кем не воюет. И чем дальше, тем германские притязания становятся больше!

Стратегия не исчерпывается чисто военными факторами. Ее создание требует ума, ее проведение в жизнь – воли, отказ от стратегической цели, неосуществимой или ненужной, происходит по велению сердца.

Ни у лидеров Центральных держав, ни у руководства Антанты не оказалось сердца.
А с волей и у тех, и у других было даже слишком хо рошо.

Понятно, что Антанта не собиралась платить за мир, справедливо полагая, что немцы уже упустили свои шансы, и в дальнейшем их положение будет только ухудшаться. Маловероятно, что Франция и Британия согласились бы и на «мир без аннексий и контрибуций». Но вот Эльзас (даже без Лотарингии) уже мог стать платформой для мирных переговоров.

Зимой 1914 – 1915 гг. у немцев еще были козыри: их армии находились на французской территории, почти вся Бельгия была ими оккупирована. Все это – и плюс Эльзас – нужно было пожертвовать за мир, сохранив династию, империю и, может быть, крепость Мец. И несколько миллионов человек, которым в Текущей Реальности суждено было превратиться в статистику потерь.

Возникает «Рождественская Реальность», почти сказка, которая формирует мир людей, способных договариваться. Тень этой Реальности можно разглядеть в мире 1920-х годов, ее влияние ощущается и в 1960-е, в дни Карибского кризиса.

И изучая этап доигрывания Великой войны, мы должны все время помнить об этой *упущенной возможности*.

Интермедия 1: «море» и «суша»

*«Иволны шептали сибиллы седой заклинанья,
Шатались деревья от песен могучего вала,
И встретил Сваран исступленный в грозе
ликованья
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.*

*Друг друга сжимая в объятьях, сверкая доспехом,
Они начинают безумную дикую пляску,
И ветер приветствует битву рыдающим смехом,
И море грохочет свою вековечную сказку».*

Н. Гумилев

Структура Первой мировой войны образована наложением двух стратегий, каждая из которых имеет классовый, национальный, геопланетарный и чисто военный бэкграунд. В главе, посвященной довоенной политике Германии, с ее борьбой юнкерства и грюндерства, мы уже коснулись этой важной темы.

План Шлиффена определял логику сухопутного вооруженного конфликта за господство на Европейском континенте. Он, конечно, всецело относился к «войне Ареса», войне силы и хитрости с ее логикой: выиграть сражение, вследствие этого выиграть сначала операцию, а затем и всю войну. Целью войны был, во-первых, разгром Франции (это – святое!), во-вторых, смещение европейского равновесия в пользу Германии. Вообще говоря, план Шлиффена не предусматривал серьезных изменений европейской карты (за исключением, может быть, статуса Люксембурга и Бельгии), и в этом отношении Германия предполагала вести ограниченную войну. В рамках плана Шлиффена создавалась сильная сухопутная армия, для которой был нужен, прежде всего, качественный и классово выдержанный офицерский и унтер-офицерский состав.

После провала шлиффеновского маневра руководство Рейха начало расширять пространство войны, имея в виду не столько военные, сколько уже экономические императивы (колонизация Вислы, устранение России, присоединение Фландрии и побережья Ла-Манша и т. д.), тем не менее, мировой кризис продолжал носить для Германии геополитический характер. Таким же он был для Франции и России, Австро-Венгрия и Турция решали в европейской войне сугубо внутренние задачи и на уровень «гео*» не выходили.

Великобританию не беспокоило смещение европейского равновесия, *до тех пор, пока какое-то равновесие сохранялось*. Неприемлемым для нее был только вариант неоспоримого военного господства одной державы на европейском континенте, и декларируемое стремление Германии к такому господству привело к вступлению Великобритании в войну.

Но воевать на суше англичане не собирались. В конце концов, они ввязались в кампанию на Западном фронте, но это было решением политического, а не военного руководства. Британское Адмиралтейство с начала и до конца войны считало это ошибкой.

Великобритания вела «войну Афины», войну ума и богатства: выиграть войну, договориться о мире, оплатить этот мир в расчете на послевоенные долговременные выгоды. Целью войны было восстановление европейского равновесия и возвращение самой Англии к политике «блестящей изоляции». Речь шла об использовании превосходства на море для блокады и последующей нейтрализации сильнейшей сухопутной державы. По мысли А. Мэхэна *морская*

мощь всегда выигрывает против сухопутной, поскольку вынуждает противника вести безнадёжную борьбу против ресурсов всего мира.

Такая война должна была носить геоэкономический характер.

Стратегия морской силы: управление пространством

Война на море сложнее сухопутного конфликта, потому красивых «учебных» примеров здесь почти нет. Прежде всего, такая война носит многоуровневый характер, и ее предпосылками являются *развитая мировая торговля и выраженное господство на море одной державы*.

Собственно, это и есть первый уровень стратегии. В отсутствие мировой торговли морская мощь бессмысленна и бесплодна. Суть дела состоит в том, что международная торговля во все эпохи носит преимущественно морской характер. Ни караваны «шелкового пути», ни современная авиация не способны справиться с объемом перемещаемых между странами грузов. Морские перевозки требуют избытка коммерческих судов. Эти суда приносят деньги и сами по себе (фрахт, торговая прибыль), и через формирование *открытых экономик* с высокой нормой прибыли.

Почти всегда львиная доля международных коммерческих перевозок выполняется судами, принадлежащими одной стране. В действительности, это и есть господство на море.

Страна, обладающая господством на море, может исключить своего противника из системы международной торговли. Если у него открытая экономика, это сразу приводит к разрушению кооперативных связей и промышленному кризису. Уровень жизни падает немедленно, военное производство – чуть позже. Страна проигрывает из-за открытости своей экономики, то есть прямой зависимости от международной торговли.

Если противник добился автаркии, то у него преобладают хозяйственные, а не экономические механизмы¹. В этом случае он проигрывает из-за нехватки ресурсов и меньшей эффективности закрытой экономики по сравнению с открытой. События развиваются медленнее, но в конечном итоге результат тот же: падение уровня жизни если не абсолютное, то относительное², и военное отставание.

Таким образом, *первым уровнем морской стратегии является обеспечение положения мирового перевозчика*, то есть создание преобладающего коммерческого флота.

Но у статуса «мирового перевозчика» есть свои минусы. Прежде всего, *его экономика неизбежно избыточно открыта*. Поэтому действия, направленные против его торговли (контрблокада, *крейсерская война*), создают непропорционально высокие риски.

Такие действия в мирное время являются пиратством, в военное – каперством. Здесь нужно заметить, что пиратство в тех или иных формах всегда является теневой стороной морской торговли.

До середины XIX столетия не было особой разницы между пиратскими кораблями и военными кораблями, предназначенными для ведения крейсерской войны, более того, пираты в военное время просто поступали на соответствующую службу, получали каперский патент и продолжали заниматься привычным делом уже на законном основании.

Понятно, что угроза морской торговле вынуждает мирового перевозчика ее защищать. Он строит собственный крейсерский флот. Причем требуется избыточность: нужно прикрыть *все возможные направления* действия неприятельских каперов. Великобритания в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, предполагала иметь в отдаленных водах не менее двенадцати станций со ста двадцатью крейсерами, на них базирующимися. Считалось, что это количество сможет защитить английское судоходство от немецких рейдеров, количество которых в море оценивалось, самое большое, в двадцать кораблей³.

¹ Экономика производит товары, продающиеся на рынке. Хозяйствование производит продукты, потребляемые территорией.

² В СССР в 1970–1980-е годы абсолютный уровень жизни рос. Но у противника он рос гораздо быстрее, что, в конечном счете, привело к системному кризису советского общества.

³ К началу войны Германия имела в своем распоряжении 38 крейсеров. Их одновременное использование в операциях

Далее возможны варианты.

Действуя с позиции силы, «защитники торговли» уничтожают неприятельские рейдеры или отесняют их с маршрутов океанской торговли. Господство на море полностью сохраняется.

Если сильнейшей стороне не удастся достигнуть такого результата, приходится прикрывать торговые суда крейсерским сопровождением. Для этого нужно переходить к системе конвоев. Конвоирование резко снижает потребность в военных кораблях, но при этом падает трафик. Конвои формируются сравнительно медленно, и торговые суда вынуждены простаивать в портах, иногда месяцами, скорость конвоя меньше скорости самого медленного корабля, кроме того, грузы начинают поступать в порты назначения неритмично. Такое положение дел не подрывает господство на море, но ставит его под сомнение. Война теряет для мирового перевозчика всякое очарование.

При особо неблагоприятных обстоятельствах перевозчик оказывается не в состоянии защитить свои конвои. Тогда он теряет господство на море, что оборачивается национальной катастрофой.

Это – второй уровень морской стратегии: *борьба «защитников торговли» с рейдерами, крейсерская война, блокада и контрблокада*, попытка поставить позицию мирового перевозчика под сомнение.

Третий уровень связан с тем, что крейсера нуждаются в пунктах базирования.

Даже в эпоху парусного флота, когда пиратские суда могли месяцами действовать в открытом море, им требовался ремонт, пополнение запасов воды и пищи, пороха и ядер. Да и добычу нужно было где-то продавать. Иными словами, даже пиратство, не говоря уже о каперстве, предполагает поддержку со стороны некоторого государства или группы государств.

Такое государство всегда претендует на господство на море. Как правило, «страна-претендент» обладает вторым или третьим флотом в мире.

Поэтому мировой перевозчик не обязан гоняться по всем океанам планеты за неприятельскими рейдерами. Достаточно нейтрализовать флот претендента. Этого можно добиться либо за счет сухопутной войны, либо прямой атакой его военно-морских баз.

Как правило, страна, обладающая господством на море, не может иметь еще и сильную сухопутную армию. Нормальной является и периодически воспроизводится геополитическая структура, когда «перевозчик» сильнее на море, а «претендент» – на суше. Исключением служит моноцентрический мир, но подобная геополитическая конфигурация возникает даже не каждое тысячелетие и существует недолго.

Островное положение идеально для мирового перевозчика, поскольку страхует от немедленной атаки превосходящими наземными силами. Но даже и в этом случае необходим сильный союзник на континенте, услуги которого приходится тем или иным способом оплачивать.

Далее, мировой перевозчик должен быть постоянно готовым не только к рутинной крейсерской войне, но и к блокаде неприятельских портов и их последующей атаке.

Верно и обратное: блокада портов страны, владеющей морем, и, тем более, их успешная прямая атака сразу решает все проблемы морской войны для страны-претендента.

Таким образом, *даже отдаленная перспектива возникновения крейсерской борьбы на коммуникациях создает оперативное напряжение между военно-морскими базами метрополий перевозчика и претендента.*

Действия на коммуникациях требуют быстроходных кораблей с высокой автономностью. Их вооружение предназначено, прежде всего, против коммерческих кораблей, что предполагает скорострельные орудия сравнительно небольшого калибра. Защита должна выдерживать

против торговли было, разумеется, невозможно, поскольку на легкие крейсера возлагались также задачи прикрытия основных сил флота, разведки и т. д.

кратковременное боевое столкновение с кораблем подобного же класса. Понятно, что требования к рейдерам и «защитникам торговли» несколько различаются, но в обоих случаях речь идет об универсальных кораблях умеренного водоизмещения – крейсерах.

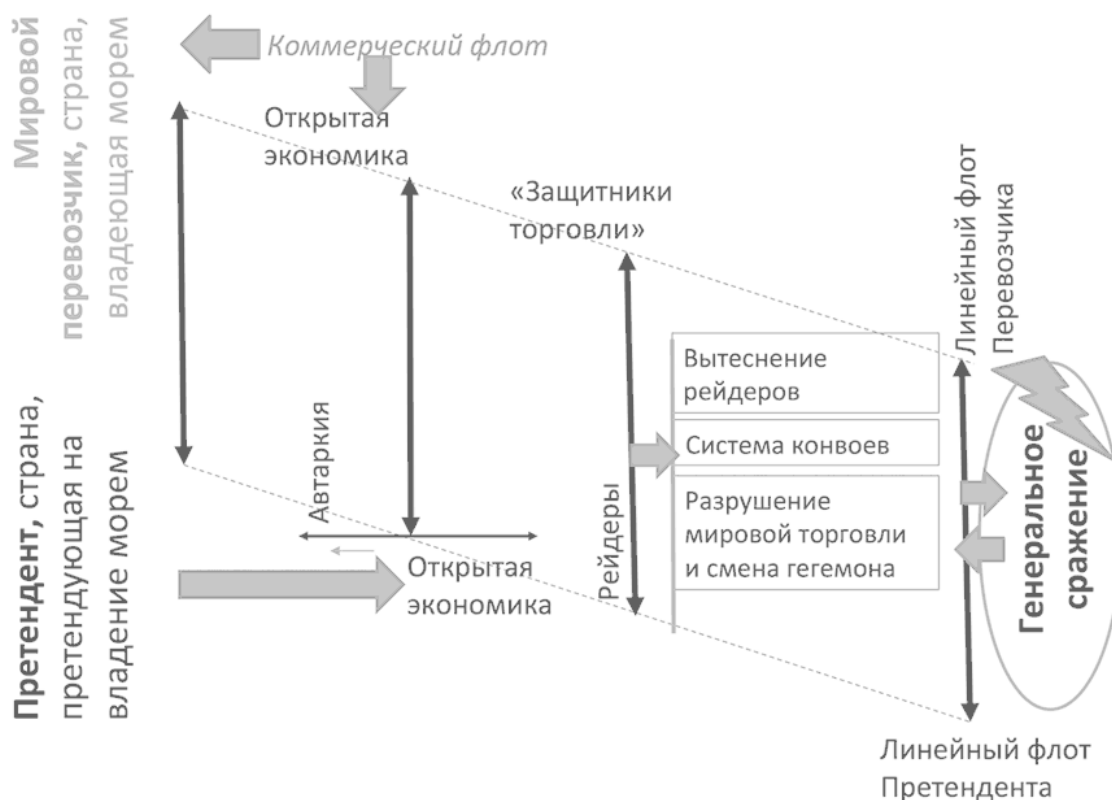
Для защиты базы можно использовать все, что угодно, например, устаревшие корабли. Но блокада баз и, тем более, их обстрел требуют линейного флота – самых больших, самых защищенных кораблей, обладающих самым мощным наступательным вооружением. И такие же корабли нужны, чтобы воспрепятствовать блокаде.

Третий уровень морской стратегии: *исход крейсерской борьбы решает линейный флот*. Причем в бою линейных сил стороне, владеющей морем, нужна только победа, в то время как ее противнику достаточно ничьей. Достаточно продемонстрировать способность устоять под ударами флота «мирового гегемона»⁴.

Уровни морской стратегии разделены в пространстве. Первый охватывает мировой океан, то есть всю землю или, по крайней мере, доступную Ойкумену. Второй может рассматриваться, как дискретный граф, включающий основные морские торговые пути и «особые точки» – ключевые коммерческие порты и военно-морские базы. Третий локализован и ограничивается территориями метрополии и окружающими морями.

Предложенная схема носит общий характер и может быть использована для анализа действия морской силы при любых привходящих обстоятельствах. Принципиально важно, что страна-претендент сама обязана иметь коммерческий флот, какую-то долю в мировых перевозках и мировой торговле и, тем самым, некоторую открытость экономики. Но не чрезмерную: чтобы продержаться в критические годы, предшествующие войне, ей нужна автаркия. А это подразумевает преобладание на суше – иначе не создашь жизнеспособную замкнутую экономику.

⁴ В принципе, все вышеизложенное следует из пионерской работы А. Мэхэна «Влияние морской силы на историю», но четкие формулировки взаимных связей различных уровней борьбы на море, включая заключительную теорему, согласно которой в генеральном морском сражении линейных флотов сильнейшей стороне нужна только победа, в то время как слабейшей достаточно ничьей, принадлежит Р. Исмаилову («Флот и стратегия не прямых действий», в книге Б.Лиддел-Гарт «Энциклопедия военного искусства», «Стратегия не прямых действий», М., АСТ, 1999 г.)

Это – обязательный «расклад». Каждая конкретная ситуация добавляет свои особенности.

Троянская война. Полулегендарный конфликт между микенской Грецией и Хеттским государством, которому содействовали Египет и пунийцы (финикийцы). В годы, предшествующие войне, греческое морское пиратство подорвало финикийскую морскую торговлю. Далее в течение войны, растянувшейся на многие годы или десятилетия, сохранялся шаткий баланс: греки удерживали *короткую* коммуникационную линию в Эгейском море, атакуя своим полупиратским флотом ключевые точки финикийской морской торговли, то есть *длинные* коммуникационные линии Ойкумены. При этом греческий флот нес серьезные потери, и к концу войны он практически прекратил свое существование. Троянская война привела к разгрому Хеттской державы и поддерживающих ее малоазиатских городов, в том числе Трои. Но Микены не пережили этой победы: в последующие десятилетия страна была полностью опустошена дорийским вторжением и на столетия погрузилась во тьму.

Пелопонесская война. Спарта во главе Пелопонесского Союза неоспоримо преобладает на суше, Афины возглавляют Делосский Союз и господствуют на море. Армия Спарты может блокировать Афины с суши, но не способна овладеть городом или лишить его связи с морем. Флот Афин может блокировать Пелопонесс. Боевые действия продолжаются 27 лет, причем первый период войны не принес успеха ни той, ни другой стороне. Исход конфликта предreshило поражение Афин в Сиракузах, окончательную черту подвел разгром при Эгоспотамах, где стоящий на якоре афинский флот был уничтожен полностью. Война привела к истощению обоих противников, в конечном итоге гегемония в Греции перешла сначала к Фивам, а затем Македонии.

Пунические войны. Столкновение Рима и Карфагена за господство на Средиземном море. Для любителей военного искусства наиболее интересна Ганнибалова война, но решающий характер носила предшествующая ей первая пуническая война (264 – 241 гг. до н. э). Карфаген господствовал на море, Рим – на суше. Обе стороны правильно оценили значение Сицилии, «острова Деметры», житницы Средиземноморья и центра позиции, «особой точки» войны на море. Рим одержал победу, сумев в короткий срок выстроить флот по образцу выброшенной на берег карфагенской пентеры. Как правило, из подобных попыток ничего не получается: можно быстро построить корабли, но нельзя так же быстро воспитать опытных моряков. Однако римляне сумели «перенести на море тактику войны на суше», изобретя абордажный мостик. После этого экипаж римского корабля стал состоять из двух манипул. Морские бои у Милы, у мыса Эконом, у Эгатских островов ознаменовали переход господства на море к Риму⁵. Результатом войны стало присоединение Сицилии к Риму, создание первой в истории мировой державы.

Борьба Англии и Испании. Длительный конфликт с неопределенными хронологическими рамками (начало XVI столетия – конец XVII столетия, основные события произошли между 1588 и 1659 годами). После открытия Америки Испания построила колоссальную колониальную империю, существование которой поддерживалось только господством на море. Отовсюду в метрополию идут корабли с очень дорогим грузом. Это приводит к распространению пиратства – прежде всего, в Карибском море. Со временем пираты начинают атаковать испанские одиночные военные корабли и даже нападать на конвои и защищенные военные поселения. «Береговое братство» формально не подчинялось никому, но значительная часть пиратских кораблей строилась в Англии и имела английские экипажи. Что же касается Ф. Дрейка (захват 30 тонн испанского серебра на Панамском перешейке, атака Вальпараисо, Виго, Санто-Доминго, Картахены, Сан-Августина, Кадиса), то он был подданным королевы и английским адмиралом. В 1588 году Испания попыталась примерно наказать Англию, но морское сражение у Гравелина, известное, как разгром Непобедимой Армады, закончилось с неопределенным результатом⁶, что предопределило распад Испанской колониальной империи и упадок Испании. Господство на море перешло к Англии.

Борьба Великобритании с Францией. Еще один вековой конфликт (1670–1815 гг.), насчитывающий три фазы борьбы: с французской монархией, с французской республикой, с наполеоновской империей. Классический пример, на котором А. Мэхэн построил свою модель: четкое преобладание Франции на суше и Англии на море, привлечение Англией континентальных союзников и создание широких антифранцузских коалиций. Со своей стороны, французы добились полного господства в Европе, готовили прямой военный десант на побережье Англии, пытались организовать экономическую контрблокаду Британских островов. Ключевым моментом войны стала Трафальгарская битва, генеральное сражение по А. Мэхэну. Победа Г. Нельсона в этом бою обесценила все успехи Наполеона, в том числе – будущий Аустерлиц. Великобритания сохранила господство на море.

⁵ Здесь требуется уточнение. Абордажный ворон как корабельное вооружение, обладал значительными недостатками. Его использование снижало мореходность и остойчивость кораблей. Этим объясняются огромные потери римского флота в штормах. По мере улучшения подготовки своих моряков римляне начали отказываться от этого оружия, одинаково опасного и для своих кораблей, и для неприятельских. Всего за 23 года войны Рим потерял 700 кораблей, а Карфаген – 500. Так что, карфагеняне выиграли войну на море, но с минимальным преимуществом, причем генеральное сражение было ими проиграно.

⁶ В ходе самого сражения потери сторон были незначительными. Но испанская эскадра, командующий которой герцог Медина-Сидония принял решение возвращаться домой кружным путем вокруг Британских островов, не успела укрыться в портах до начала осенних штормов, была рассеяна неблагоприятными ветрами, потеряла половину кораблей и 3/4 личного состава.

Все перечисленные здесь войны носили длительный характер, иногда они продолжались столетиями. Проигравшая сторона в лучшем случае теряла положение великой державы и приходила в полный упадок, в худшем – прекращала существование. Но и победителю успех обошелся очень дорого, причем воспользоваться им в полной мере удавалось лишь следующим поколениям.

Главным риском при использовании стратегии морской силы является обоюдное поражение, когда «перевозчик» теряет господство на море, а «претендент» настолько истощен борьбой, что не может его захватить. Исторический опыт показывает, что в этом случае война может вызвать кризис цивилизационного масштаба.

К началу Первой мировой войны учение А. Мэхена господствовало безраздельно и было сведено к следующим семи простым принципам:

- Закрытая экономика всегда проигрывает открытой. Открытая экономика базируется на международной морской торговле.
- Получение выгоды от морской торговли предполагает наличие торгового флота и обретение статуса «перевозчика».
- Статус «перевозчика» создается и поддерживается морской мощью, то есть военным флотом.
- Морская мощь определяется, прежде всего, линейными кораблями, затем – сетью морских баз и лишь в последнюю очередь крейсерскими силами.
- *«Первой линией противодесантной обороны являются неприятельские порты»*⁷. Война на море должна вестись наступательно, «оборона есть смерть морской стратегии».
- Статус владения морем разыгрывается в генеральном сражении.
- Исход крейсерской войны предопределен генеральным сражением.

В наше время первые три принципа А. Мэхэна считаются актуальными, еще бы! они же являются основанием геоэкономики, а четыре последних подвергнуты критике и объявлены устаревшими.

В действительности, термин «линейный корабль» употреблялся А. Мэхэном в англоязычном смысле: «корабль линии баталии», то есть генерального сражения, «capital ship». В русском языке «линейный корабль» понимается как «линкор», «дредноут», «броненосец», то есть броненосный корабль, вооруженный тяжелой артиллерией. А. Мэхэн, разумеется, не имел этого в виду. Его «линейный корабль» может подразумевать и трирему, и галеон, и трехдечный парусный корабль, и дредноут, и авианосец, и современный атомный крейсер с гиперзвуковыми ракетами.

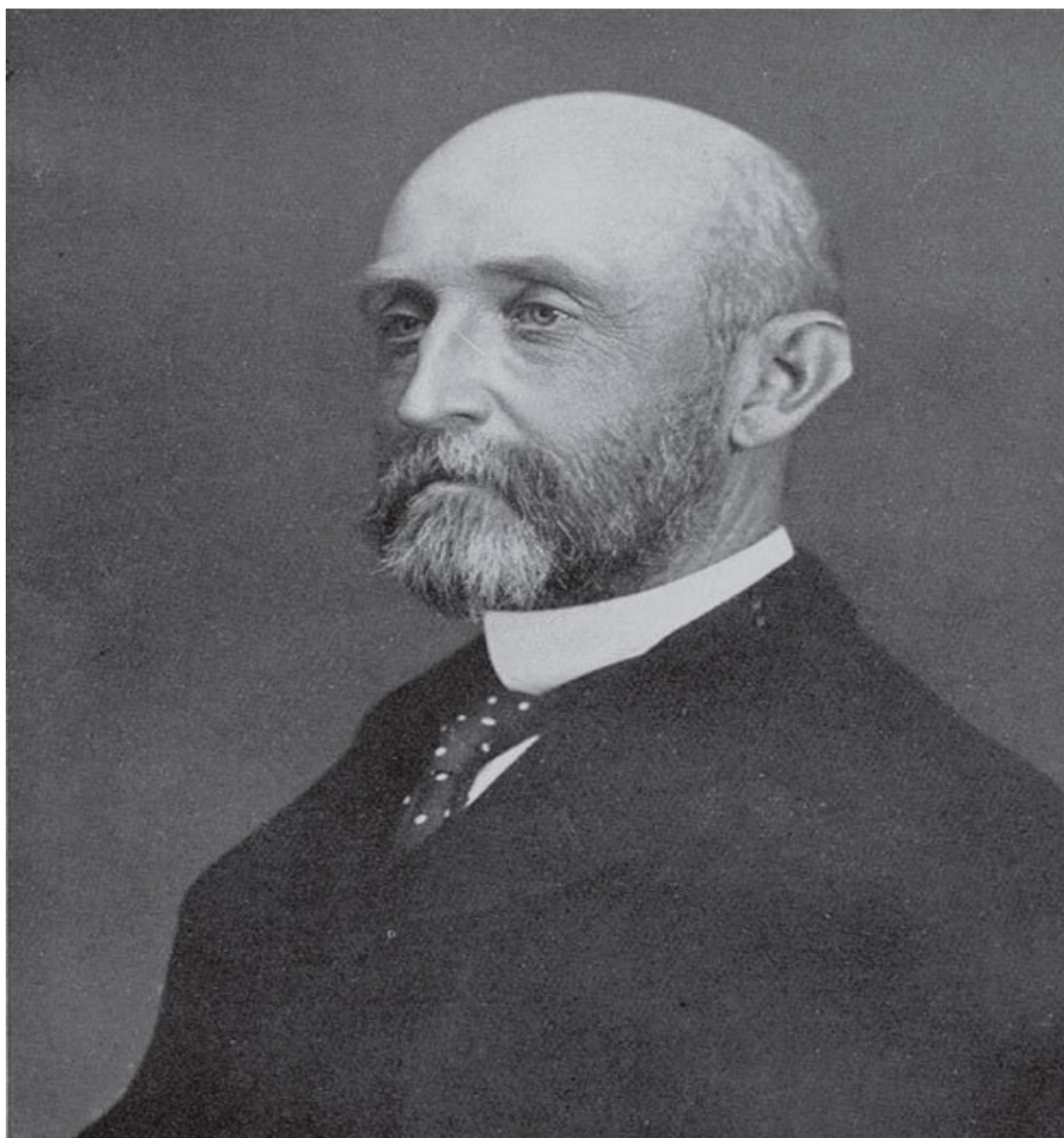
Генеральное сражение – это сражение с участием главных сил, то есть «линейных кораблей», меняющее структуру войны на море. Это совсем не обязательно будет Армагеддон, вовлекающий в свою орбиту *все* линейные силы. Как справедливо заметил Р. Исмаилов, внимательно прочитавший и А. Мэхэна, и К. Клаузевица, в генеральном сражении может в некоторых случаях участвовать и всего один линейный корабль.

Генеральное сражение следует рассматривать, как «испытание», «эксперимент», взвешивающий возможности сторон. Результат этого испытания предопределяет победителя и побежденного, хотя война может продолжаться еще десятилетия. В первой Пунической войне генеральным сражением был бой при Милах в 260-м году до н. э., когда Гай Дуилий разбил эскадру Ганнибала (сына Гискона), после чего взял сицилийский город Эгеста, продемонстрировав, что Рим может свободно действовать в сицилийских водах. Война продлилась еще 25 лет, Рим претерпел в ней немало поражений, в том числе и на море, но эти поражения произошли уже в Африке, у карфагенских берегов. Рим захватил и более не отдавал инициативу в войне.

⁷ (с) У. Черчилль.

А. Мэхэн первым обратил внимание на сходство морской и горной войны. В обоих случаях мы имеем дело с местностью, крайне бедной узлами коммуникаций, в связи с чем значение этих узлов резко возрастает. Еще Ф. Энгельс заметил, что горная война вроде бы благоприятствует обороне, но, в действительности, ключом к успеху является максимальная активность. В этой войне выигрывает тот, кто первым захватывает или нейтрализует ключевые точки позиции. На море такими точками являются порты и военно-морские базы, колониальные станции.

Особое неприятие у критиков вызывает тезис о недостаточности крейсерской войны. Дело в том, что построить крейсерский флот, по крайней мере, выглядящий опасным для страны, владеющей морем, сравнительно нетрудно, недолго и недорого. И бывают случаи, когда угроза применения крейсерских сил вынуждает сильнейшую сторону идти на уступки.

Альфред Тайер Мэхэн (27 сентября 1840 г. – 1 декабря 1914 г.), контр-адмирал, один из основателей геополитики.

Родился в Уэст-Пойнте в семье преподавателя Военной академии.

Окончил Военно-Морскую Академию США вторым на курсе по успеваемости.

В 1861 г. произведен в лейтенанты. Участвовал в войне Севера и Юга на стороне Севера. С 1885 г. – преподаватель истории в военно-морском колледже в Ньюпорте, в 1892 – 1893 г. – президент этого колледжа. Добился для училища статуса центра теоретической подготовки старших офицеров.

В 1886 – 1888 и 1893 – 1895 гг. командовал крейсером «Чикаго». С 1896 г. – в отставке.

Во время Испано-Американской войны – член Морского комитета по стратегии, в 1899 г. – член американской делегации на Гаагской мирной конференции.

С 1902 г. – президент американской исторической ассоциации.

В 1906 г. присвоено звание контр-адмирала.

Создатель доктрины морской мощи, первой (и, в сущности, по сей день единственной) обобщающей теории, описывающей морскую стратегию.

Оказал значительное влияние на президента Т. Рузвельта и через него – на развитие военно-морского флота США. Один из инициаторов достройки Панамского канала в рамках концепции «два океана – один флот». А. Мэхэн выступал за приобретение Соединенными Штатами баз на Гавайских, Филиппинских островах, на Кубе.

После Испано-Американской войны сенат ассигновал на создание межокеанского канала 115 миллионов долларов, в 1902 г. США за 40 миллионов долларов купили у французской компании Панамского канала концессию, выполненные работы и оборудование. В том же году Конгресс США обязал Президента приобрести имущество компании, акции железной дороги и полосу земли шириной 10 миль для сооружения, поддержания и управления каналом с правом юрисдикции на упомянутой территории. Колумбийский сенат отказался ратифицировать соглашение с США (поскольку, по их договору с компанией Панамского канала, если канал не начнет функционировать в 1904 году, все имущество компании безвозмездно переходит к Колумбии). США при прямой поддержке флота осуществили отделение Панама от Колумбии. Новое государство было провозглашено 4 ноября 1903 г., 18 ноября оно уже подписало договор с США. Строительство канала велось под руководством военного министерства США, первый пароход прошел по нему 15 августа 1914 года, но официальное открытие состоялось только 12 июня 1920 года.

Для обороны зоны Канала США приобрели у Панама, Дании, Никарагуа, Колумбии ряд островов.

Книги:

Флот в Гражданской войне. 1883 г.

Влияние морской силы на историю. 1890 г.

Адмирал Фаррагут. 1892 г.

Интересы Америки в области морской мощи: настоящее и будущее. 1890 – 1897 гг.

Жизнь Нельсона: воплощение британской морской мощи. 1897 г.

История войны в Южной Африке. 1890 г.

Типы морских офицеров в истории британского флота. 1891 г.

Морская мощь и ее влияние на войны 1812 г., 1905 г.

Влияние морской силы на французскую революцию. 1905 г.

От паруса к пару: воспоминания о жизни на флоте. 1906 г.

Основные морские операции в войне за независимость. 1913 г.

Таких случаев немного и, как правило, в этом случае угроза крейсерской войны, скорее, повод, чем причина. Да, действительно, русские крейсерские эскадры, пришедшие в 1863 году в Нью-Йорк и Сан-Франциско, изменили позицию британской прессы. Но правительство Ее Величества и не собиралось воевать с Россией из-за польского восстания. После Крымской войны отношения Великобритании и Российской Империи определялись логикой Большой Игры, «война Кита и Медведя» была признана нецелесообразной и снята с повестки дня.

Но после Крымской войны Россия и не рассматривалась Великобританией как угроза ее *морской* мощи. Это создавало возможность «игры вместо войны».

Так что, основные положения теории А. Мэхэна пережили Вторую мировую войну. До некоторой степени они актуальны и сегодня, хотя появление ракетно-ядерного оружия и спутникового наблюдения вносит определенные коррективы. Вероятно, в ближайшие десятилетия роль господства на море займет господство в Космосе.

Стратегия морской силы: борьба за время

До XIX столетия технический прогресс оказывал очень слабое влияние на морскую стратегию. Да, римляне изобрели «ворон», это сыграло свою роль в решающем сражении Пунической войны, но, скорее, как демонстрация их превосходства в логике и решимости. Да, превосходные качества английских парусных кораблей способствовали упадку Испанской империи, однако, в конце концов бой при Гравелине не столько выиграли англичане, сколько проиграли испанцы. А при Абукире и Трафальгаре, при островах Всех Святых сражались корабли одного класса и сходных боевых возможностей.

При равенстве технического потенциала сторон исход боя решало, прежде всего, превосходство в морском искусстве: в уровне подготовки матросов и офицеров, в таланте адмиралов; во вторую очередь – количество кораблей в линии баталии.

Ситуация коренным образом изменилась с появлением парового двигателя. Еще до Крымской войны маневры подтвердили то очевидное положение, что независимый от ветра паровой корабль имеет в бою решающее преимущество перед парусным линкором. Он был в состоянии двигаться против ветра и мог свободным маневрированием поставить себя в сколь угодно выгодную позицию, например, сосредоточить огонь всей батареи против погонного или ретирадного орудия противника. Если в кампании 1854 года союзники еще использовали парусные линейные корабли, то в следующем году – парусники уже не участвовали в бою или шли на буксире у пароходов.

Таким образом, в одночасье устарели парусные флоты. Пароходо-фрегаты и винтовые деревянные линкоры также прожили недолго: в условиях, когда один удачно попавший снаряд мог вывести из строя паровую машину и сделать корабль абсолютно беззащитным, требовалась железная броня. И с 1850 года начинается морская технологическая гонка. «Мейнстримом» было совершенствование парового двигателя. Коробчатые котлы локомотивного типа, цилиндрические огнетрубные котлы, водотрубные котлы различных типов, компаунд-машины, машины тройного расширения... Создаются новые способы прокатки броневых плит. Повышаются калибр и длина ствола пушек.

Каждое нововведение обесценивало ранее построенные суда. Не будет преувеличением сказать, что в период 1850 – 1900 гг. большинство кораблей устаревало на стапеле. Не то, чтобы их сразу отправляли на слом (хотя такое случалось – и нередко), но роль кораблей линии баталии они утрачивали еще до официального вступления в строй и в течение всего срока службы использовались только для охраны баз или в качестве складов⁸.

Поскольку было совершенно непонятно, что нужно и чего не нужно строить, весь полувековой период характеризуется многочисленными дискуссиями. В конечном итоге выделилось три основных направления:

- Классическая школа. Проповедовала строительство мореходных броненосцев. В рамках этой школы создавались самые крупные корабли с самыми мощными машинами, самой толстой броней и самой тяжелой артиллерией.
- Американская школа. Предлагала в качестве основы боевой мощи монитор, относительно небольшой корабль с очень низким надводным бортом, толстой броней и одним-двумя тяжелыми орудиями⁹.

⁸ В этом статусе некоторые из них дожили до наших дней. Например, знаменитый «Уорриор», который вступил в строй в 1861 году, с 1904-го года – корабль торпедной базы, с 1953-го года – плавучий пирс для нефтепровода. Ныне – музей.

⁹ Мониторы были практически немореходными кораблями, крайне опасными в свежую погоду. Американцам, правда, удалось провести их Магеллановым проливом и даже однажды отправить через Атлантику, но, конечно, эти корабли ни при каких обстоятельствах не смогли бы вступить в бой после подобного перехода. В этом плане забавны «альтернативы», в которых мониторы в 1860-х совершают длительные морские вояжи и атакуют Англию (Г. Гаррисон трилогия «Звезды и полосы»

- Молодая школа. Считала, что дни броненосцев сочтены, и предлагала ограничиваться небронированными крейсерами с большим числом скорострельных орудий среднего калибра. После изобретения мины Уайтхеда (торпеды) считала главным оружием борьбы на море миноносец.

Конечно, было еще множество промежуточных вариантов: мореходные мониторы с полным парусным вооружением (злосчастный «Кэптен»), огромные быстроходные крейсера с артиллерией броненосцев («Италия», «Лепанто»), анекдотические броненосные тараны («Руперт»), совсем уж фантазмагорические русские «поповки» с круглым корпусом... Постепенно выработался *«викторианский стандарт»*, и основой флота стали эскадренные броненосцы с паровыми машинами тройного расширения, скоростью хода 14–18 узлов, вооружением из четырех 305-мм орудий в двух башнях и 10 – 14 орудий калибра 140–152-мм. Таких кораблей в 1885–1905 гг. в мире было построено несколько десятков.

Для нас перипетии технологической морской гонки второй половины XIX века сами по себе не важны. Существенна атмосфера этой гонки, с ее надеждой *быстро и дешево*, одним изобретением, *завоевать господство на море*. И ощущение, что для этого нужен только один непобедимый корабль, построенный по новой технологии. Техника все сделает сама. Подготовка экипажей, воспитание моряков, талант адмиралов – считалось, что все это потеряло смысл.

Великобритания и «дредноутная революция»

Оперативно-тактические схемы войны на море, изобретенные во второй половине XIX столетия, носили умозрительный характер. Проверить их на практике не было никакой возможности. Отсутствовали подходящие конфликты. Приходилось делать далеко идущие выводы даже из такого «материала» как гражданская война в Перу где местные повстанцы захватили монитор «Уаскар» и принялись пиратствовать.

Война Севера и Юга в очередной раз опровергла концепцию крейсерской войны, но это было не доказательно: Север превосходил Юг и на суше, и на море; Конфедерация была политически блокирована, ее экономика отрезана от источников сырья и рынков сбыта. При минимальном желании Север вообще мог обойтись без войны.

В германских войнах 1864–1871 гг. содержательных действий на море не было, в Японо-Китайской войне из единственного сражения на реке Ялу вообще ничего полезного извлечь не удалось, в Испано-Американской войне сражались противники разных весовых категорий.

Столкновение Италии с Австро-Венгрией обернулось невразумительным боем при Лиссе, породившим таранную тактику. После успеха адмирала В. Тегетхоффа почти полвека корабли строили с далеко выдающимся вперед подводным тараном (шпироном). Применить таран в бою больше ни разу не удалось, зато количество военных и гражданских судов, погибших в мирное время от таранного удара, превысило все разумные пределы.

Русско-Японская война дала несколько примеров организации боя: внезапное нападение, генеральное сражение, охват головы неприятельского флота, блокада и контрблокада. Но как раз к этому времени подоспела очередная кораблестроительная революция.

В период технологической гонки положение Великобритании как державы, господствующей на море, пытались поочередно поколебать Франция и Россия, иногда в эту игру вмешивалась Италия. Германия при Бисмарке оставалась юнкерской державой и серьезного флота не имела. Не было у нее и адмиралов. Например, с 1883 по 1888 год Адмиралтейство возглавлял Л. фон Каприви, будущий рейхсканцлер, а на тот момент генерал-майор¹⁰. Считается, что Л. фон Каприви проявил себя талантливым администратором, но, в действительности, руководить ему было особенно нечем.

Ситуация начинает меняться только в 1898 году, когда принимается первый германский Закон о флоте. Германия строит корабли быстро, но на 1904 год девятнадцать немецких броненосцев, включая совершенно устаревшие, противостоят шестидесяти с лишним английским, в основном более сильных типов. Важны были не сами эти корабли, а политические основания их проектирования и постройки: *«Для защиты морской торговли и колоний Германии в сложившихся обстоятельствах есть только один путь: Германия должна обладать линейным флотом столь сильным, чтобы даже имея своим противником сильнейшую морскую державу, поставить ее перед опасностью потери ею своего положения в мире. Для достижения этой цели совершенно излишне, чтобы германский линейный флот был бы равен по мощи линейному флоту самой сильной морской державы, поскольку последняя, со всей очевидностью, не сможет сконцентрировать всю свою ударную мощь против нас. Но даже если бы она преуспела в намерении добиться сражения с нашим флотом, располагая явным превосходством, возможное поражение сильного германского флота настолько ослабило бы противника, что несмотря на достигнутую им победу, его положение в мире больше не могло бы быть гарантировано необходимым для этого флотом».*

¹⁰ В некоторых источниках Каприви называют кавалеристом. В действительности он был генералом пехоты, закончившим Академию генерального штаба.

История вновь повторяется и опять развивается «по Мэхэну»: сильнейшая сухопутная военная держава начинает борьбу за господство на море.

Британская Империя отреагировала вполне адекватно – заложила новые броненосцы: в 1898 году – «Формидебл», «Иррезистебл», «Имплейкбл», «Лондон», в 1899-м «Бульварк», «Лондон», «Венерэбл», «Дункан», «Корнуолис», «Эксмут», «Рассел», «Монтегю», в 1900-м – «Албемарл», в 1901-м – «Куин» и «Принц Уэльский», всего 15 единиц; в последующие годы к ним присоединились еще восемь кораблей класса «Кинг Эдуард VII», два облегченных броненосца класса «Трайэмф» и два преддредноута «Лорд Нельсон» и «Агамемнон». При этом Британия урегулировала отношения с Японией, чтобы иметь возможность собрать корабли в европейских водах, и пошла на заключение соглашения с сухопутными противниками Германии – Россией и Францией.

Вся эта работа была проделана к середине 1900-х годов, то есть к тому моменту, когда был завершен план Шлиффена.

Британское Адмиралтейство об этом плане ничего не знало, но полагало, что в случае войны Германия должна каким-то образом быстро разгромить Францию. Тогда воспроизводился сюжет начала XIX столетия: новый Трафальгар должен был уравновесить новый Аустерлиц.

Трафальгар следовало тщательно подготовить.

До сих пор кораблестроительную политику Великобритании отличала здоровая консервативность. С 1850 года Англия не возглавила ни одной кораблестроительной революции. «Мониторы» придумали американцы, облегченные броненосцы – итальянцы, броненосные крейсера – русские. Компаунд-машины и водотрубные котлы сначала прошли испытания в коммерческом флоте. Адмиралтейство предпочитало следовать принципу, который в середине XX века сформулировал А. Туполев: пусть наше вооружение будет чуть хуже, чем у противника, чуть менее современным, мы компенсируем это количеством. Британия осознает свое превосходство на море и старается не повышать ставок в военно-морской гонке.

Первая германская военно-морская программа была рассчитана на 7 лет, но немцам удалось выиграть время и завершить ее в 1904 году. Двадцать второго декабря этого же года в Великобритании под руководством лорда Д. Фишера¹¹ был образован комитет по проектированию, разработавший технические задания на создание кораблей нового поколения.

В ответ на германское военно-морское строительство Британское Адмиралтейство отказывается от своей консервативной политики и начинает «дредноутную революцию».

В ретроспективном анализе Д. Фишера осуждают, указывая, что он обесценил уже достигнутое Британией преимущество на море. Я полагаю, что адмирал был прав. Концепция «дредноута» постепенно складывалась в Италии и США, раньше или позже правильные выводы из войны сделали бы Россия и Япония. Так или иначе, традиционные броненосцы все равно устарели бы и стали кораблями второй линии, непригодными для генерального сражения.

В Текущей Реальности Великобритания приступила к постройке «дредноутов» первой и сразу выбилась в лидеры гонки.

Было очевидно, что Германия последует за ней.

«Трафальгар» приобрел «правильные» очертания: генеральное сражение новейших кораблей первого флота в мире против новейших кораблей второго.

¹¹ Формально Д. Фишер не был даже членом этого Комитета, но неизменно исполнял обязанности председательствующего и «лица, принимающего решения».

Концепция будущего боя, вероятно, принадлежала самому Д. Фишеру. Сказать это с определенностью трудно – адмирал отличался шпиономанией и подозрительностью, поэтому далеко не все свои мысли он доверял бумаге. Но созданные при его участии программы военно-морского строительства говорят сами за себя.

Итак:

(1) Броненосцы-дредноуты не могут участвовать в генеральном сражении. Они образуют флот второй линии, надежно удерживающий морскую периферию и препятствующий второстепенным морским державам воспользоваться результатами генерального сражения в своих интересах. Второй сорт был присвоен США, Франции, Италии и России, при определенных обстоятельствах – Японии. Иными словами, Д. Фишер возражал тексту преамбулы немецкого закона о флоте: пусть в генеральном сражении британский ударный флот и будет ослаблен, но германский флот мы при этом уничтожим, и у нас еще останется достаточно старых броненосцев, чтобы пресечь любые поползновения третьих стран.

(2) Линейные корабли – дредноуты обеспечивают *устойчивость* боевой линии. Их должно быть больше, чем у противника. Д. Фишер ставит задачу «вместо одного кия – два».

(3) В боевой линии должны находиться только самые современные корабли. Д. Фишер постоянно ускоряет качественную гонку дредноутов: от 305-мм орудий он переходит к 343-мм, затем они с У. Черчиллем, на тот момент морским министром, уговаривают друг друга на откровенную авантюру: заказать для флота пять линейных кораблей, вооруженных 381-мм орудиями, коих на данный момент времени нет в природе. Массогабаритные характеристики этой гипотетической пушки, которую еще даже не начали проектировать, на ходу придумал какой-то заводской клерк – потомок герцога Мальборо умел быть убедительным, и отделаться от него простым «не знаю» было сложно.

Подробности «дредноутной гонки» скрывают ее действительное содержание.

В 1907 году немцы принимают вызов Д. Фишера. На «Дредноут», «Беллерофон», «Сьюперб» и «Тэмерер», линкоры с 305-мм орудиями, они отвечают «Нассау», «Вестфаленом», «Рейнландом» и «Позеном». Англичане покрывают эту ставку «Сен-Винсентом», «Коллингвудом» и «Вэнгардом», затем добавляют «Нептун», «Колоссус» и «Геркулес». Германия отвечает «Остфрисландом», «Гельголандом», «Тюрингеном» и «Ольденбургом». Итого у англичан 10 линкоров со 100 орудиями 305-мм калибра, у немцев 8 кораблей с 96 орудиями калибра 280-мм¹². Паритет!

Д. Фишер делает следующий ход: заказывает двенадцать линкоров с 343-мм орудиями. Три серии по четыре корабля. Эти корабли обесценивают первые «дредноуты», начиная гонку сначала. Германия успевает построить девять дредноутов с 305-мм артиллерией. Опять относительный паритет!

Но на пять кораблей с 381-мм артиллерией немцы смогли ответить лишь двумя, да и те не успели вступить в строй к началу Ютландского боя. Эта ставка покрыта не была, и Д. Фишер получил главный козырь своего «Трафальгара». Именно корабли класса «Куин Элизабет» должны были решить исход генерального сражения.

(4) *Подвижность* боевой линии, *свободу оперативного маневра* должны обеспечивать корабли нового типа. Им требуется вооружение, соответствующее вооружению современных

¹² Немцы исторически имели в качестве главного калибра 280-мм орудия, отличающиеся хорошими баллистическими качествами. Они оставили их на своих первых дредноутах, тем более что 305-мм орудия еще не были готовы.

им линкоров, но на несколько узлов большая скорость. Достичь этого можно только за счет более слабого бронирования.

На эти корабли возлагается задача разведки, втягивания противника в сражения, охвата головы неприятельской боевой линии. С учетом их недостаточной конструктивной защиты понятно, что в бою они будут принесены в жертву.

К началу войны англичане успели построить шесть линейных крейсеров с 305-мм артиллерией¹³ и три – с 343-мм артиллерией («Лайон», «Тайгер» и «Куин Мэри»), четвертая «кошка адмирала Фишера» – «Тайгер», вступила в строй в ноябре 1914 года. Линейные крейсера с 381-мм артиллерией были заказаны уже в ходе войны и опоздали к своему Трафальгару.

Немцы построили «Фон-дер-Танн», «Мольтке», «Гебен» и «Зейдлиц» с 280-мм артиллерией; «Дерфлингер» и «Лютцов» с 305-мм артиллерией – оба вступили в строй после начала войны; третий корабль этого типа – «Гинденбург» не успел к Ютландскому сражению.

Англичанам удалось обеспечить численное преимущество своего авангарда.

(5) Флот следует прикрывать легкими силами. Они нужны также для атаки неприятельской боевой линии и для добивания разбитого противника в ночь после генерального сражения по примеру японского флота после Цусимы. Стороны строят эсминцы¹⁴, англичане добавляют к ним лидеры.

Опять-таки, в 1905 году происходит переход к турбинным эсминцам, что делает предыдущие серии кораблей устаревшими и отправляет их во вторую линию. До начала войны англичане вводят в строй 12 «дестроейров» типа «Трайбл», 16 – типа «Биггл», 39 – типа «Акорн» (16 серии «Н», 14 серии «I», 9 специальных типов), 20 – типа «Акаста», 20 – типа «Лафорея», еще 19 кораблей вступили в строй после начала войны, а также очень дорогой лидер «Свифт».

Всего на начало войны Великобритания могла иметь 108 современных эсминцев и лидеров. С учетом того, что часть кораблей требовали ремонта, а вступление некоторых в строй задерживалось по разным причинам, в составе Гранд Флита на первое августа 1914 года насчитывается 75 «дестроейров», не считая конфискованных с началом войны четырех чилийских лидеров, четырех греческих и четырех турецких эсминцев. Еще 132 эсминца устаревших типов несли патрульную службу на Средиземном море, в Ла-Манше, на дальних станциях.

Германский флот имел в начале войны 59 эсминцев класса S138 и 24 – класса V1. Строились 71 эсmineц класса V25, но лишь один успел на начало войны вступить в строй. Кроме этих более или менее новых кораблей ВМС Германии насчитывали 46 миноносцев типа S90 и 11 вконец устаревших.

По эсминцам силы сторон оказались почти равными (с учетом ремонтов и прочих входящих обстоятельств немцы могли выставить около 65 кораблей), но у англичан было значительно больше крейсеров-скаутов, способных возглавлять флотилии эсминцев.

Уже в ходе войны Д. Фишер организовал постройку совершенно необычных кораблей, получивших в классификации ранг «линейно-легких». Огромные корабли с вооружением линкора и бронированием легкого крейсера. Во флоте их называли «белыми слонами» и не могли найти им применения.

Сам Д. Фишер говорил о прорыве в Балтийское море, что в условиях закрытия Данией балтийских проливов было попросту невозможно; в любом случае линейно-легкие крейсера

¹³ «Инвинсибл», «Инфлексибл», «Индомитебл», «Индефатигибл», «Нью Зиланд», «Острелия».

¹⁴ Вновь возникает проблема перевода. На русском языке эсmineц – это эскадренный миноносец. На английском миноносец – это torpedo boat, а эсmineц – destroyer. Задача дестроеера – уничтожение миноносцев и лишь во вторую очередь – торпедная атака линии баталии. Лидер – специфический боевой корабль, нечто среднее между большим эсминцем и легким крейсером, предназначенный возглавлять атаки эсминцев.

для подобного прорыва вообще не годились, единственной их характеристикой, отвечающей этой задаче, была сравнительно небольшая осадка. Считалось, что на Балтике они должны будут прикрывать высадку английского десанта на «полосу твердого песка» в Восточной Пруссии. Войск для такого десанта даже не предвиделось. Прикрывать транспорты на всем пути от Бельтов до Восточной Пруссии было, разумеется, невозможным.

Сколько-нибудь серьезного отношения эта идея, явно, не заслуживала, и остается предположить, что Д. Фишер маскировал свои подлинные намерения. Его линейно-легкие крейсера отлично подходят для ночного лидирования отрядов эсминцев: они в состоянии прорвать любую крейсерскую завесу и вывести свои легкие силы на неприятельские дредноуты. И конечно, заказав строительство «белых слонов», Д. Фишер с удовольствием ответил тем, кто посчитал «Свифт» слишком дорогим кораблем.

(6) Все остальные типы кораблей в генеральном сражении не нужны. Крейсера обеспечивают контроль над коммуникациями. При необходимости к ним добавляются старые броненосцы. В особых случаях задача уничтожения неприятельских рейдеров может быть возложена на линейные крейсера.

(7) Технический прогресс у противника не останавливается, и к этому нужно быть внимательным.

Д. Фишер вкладывался и в подводные лодки (Ч. Бересфорд даже назвал их «игрушками Фишера»), и в авиатранспорты, постепенно превращающиеся в авианосцы, но широкое использование этих кораблей было делом будущего.

Генеральное сражение представляется как дуэль двух линий дредноутов (английская длиннее и сильнее). Это – «правильный бой» по китайскому пятикнижию¹⁵. Линейные крейсера охватывают голову, или атакуют хвост неприятельской колонны, или прорезают строй, превращая сражение в свалку кораблей. Это – «маневр» по пятикнижию.

¹⁵ Д. Фишер много лет прожил на востоке (многие считали, что в его жилах течет китайская кровь). С китайскими военными трактатами он был очень хорошо знаком.

Джон Арбетнот Фишер (25 января 1841 г. – 10 июля 1920 г.). Родился на Цейлоне в семье плантатора. В возрасте 6 лет отправлен в Англию, с 13 лет кадет Королевского флота. Его первым кораблем стала «Виктория» Г. Нельсона – тогда она еще входила в состав флота.

В составе Балтийской эскадры участвовал в Крымской войне (в частности, в обстреле укреплений Свеаборга на парусном линейном корабле «Калькутта»). В 1857–1859 гг. воевал в Китае, активно действовал при неудачной атаке форта Пейхо.

В июне 1859 г. в возрасте 18 лет успешно сдал лейтенантский экзамен (набрал 963 балла из 1000 возможных, лучший результат за 6 лет), назначен на учебный артиллерийский корабль «Экселлент». С 1863 г. артиллерийский офицер первого британского броненосца «Уорриер».

В 1866 г. женился на Кэтрин Дельви-Брафтон, в браке с которой проживет 52 года.

В 1874 г. получил звание кэптэна. В 1882 г. участвует в бомбардировке Александрии, командуя броненосцем «Инфлексибл».

С 1883 по 1891 г. командует «Экселлентом», возглавляет военно-морское училище в Портсмуте, с 1885 г. руководит департаментом материально-технического снабжения морской артиллерии.

В 1890 г. произведен в контр-адмиралы. В 1892–1897 гг. – третий морской Лорд и контролер Адмиралтейства.

Рыцарь (1894 г.)

В 1896 г. произведен в вице-адмиралы. Годом позже назначен командующим Североамериканской и Вест-Индской станциями, с июля 1899 г. – командующий Средиземноморским флотом. При нем Средиземноморский флот превратился из «12-узловой эскадры с поломками и остановками в 15-узловую без поломок и остановок».

В 1902–1903 гг. второй морской лорд и начальник личного состава флота.

С 21 октября 1904 г. по 25 января 1910 г. первый лорд Адмиралтейства. На этой должности Фишер, отличавшийся прямолинейностью и решительностью, провел ряд радикальных реформ, вызвавших противодействие во влиятельных морских кругах, обвинявших его, в т. ч., в превышении власти, что потребовало создания специальной комиссии.

Четвертого декабря 1905 г. произведен в адмиралы флота.

Барон (1909 г.)

Инициатор нескольких революций в британском флоте (в областях подготовки артиллерии, подготовки личного состава и обучения офицеров, универсализации личного состава, оптимизации боевого состава флота и исключения из него сразу 154 устаревших кораблей и т. д.), а также «дредноутной революции». По совету Фишера в 1912 году начали перевод военно-морского флота с угля на нефть. К лету 1914 года британский военно-морской флот был полностью переведен на жидкое топливо, а британское правительство стало владельцем контрольного пакета акций Англо-персидской компании.

«Жидкое топливо, – писал Фишер еще в 1901 году, – произведет настоящую революцию в военно-морской стратегии. Это дело чрезвычайной государственной важности».

После начала войны с Германией вновь – первый лорд адмиралтейства и командующий морскими силами Великобритании (с 30 октября). Организатор победы над эскадрой М. Шпее у Фолклендских островов.

Ушел в отставку после провала Дарданелльской операции из-за конфликта с У. Черчиллем.

В 1915–1920 гг. председатель Совета по делам новых изобретений.

Д. Фишер впервые определил понятие «геостратегическая точка или объект» применительно к геополитическим интересам Британской империи.

Отчетливо понимал значение природных ресурсов в глобальной стратегии:
«Кто владеет нефтью, тот правит миром».

Кавалер ордена Бани (14.8.1882 г.)

Рыцарь-командор ордена Бани (26.5.1894 г.)

Рыцарь большого креста ордена Бани (26.6.1902 г.)

Кавалер ордена Заслуг (27.6.1905 г.)

Рыцарь большого креста Королевского Викторианского ордена
(10.6.1908 г.)

Орден святого Александра Невского (23.11.1908 г.)

В блестящей плеяде великих флотоводцев и адмиралов, которых дал миру Королевский флот, англичане неслучайно отводят Фишеру вторую ступень после Нельсона.

Эсминцы и лидеры, возможно, и линейно-легкие крейсера, если они будут готовы, прикрывают свой линейный флот, атакуя неприятельский. Победа должна быть достигнута в дневном сражении, тогда ночью легкие силы превратят поражение противника в разгром.

Флот Открытого моря

Заслуга Д. Фишера состоит, прежде всего, в том, что, хотя Германия и бросила вызов морской мощи Великобритании, в течение всех предвоенных лет ее флот «играл вторым номером», то есть искал ответ на британские нововведения. А. Тирпицу, морскому министру и главному строителю Кайзерлихмарине, это, как правило, удавалось, но не без осложнений.

А. Тирпиц создал теорию «зоны риска». Пока германский флот слаб, Британия может легко уничтожить его, даже «копенгагировать»¹⁶. Следует *политически* преодолеть эту «зону риска» и выиграть время для военно-морского строительства, то есть нужно избегать конфликта с Англией до тех пор, пока война с Германией на море не начнет представлять для Великобритании определенную опасность.

Теория выглядит разумно, но она исходит из неверной предпосылки, что может быть *два* «мировых перевозчика». *Именно сильный немецкий флот, преодолевший «зону риска», делал войну на море с Великобританией неизбежной.*

А. Тирпицу надо было ее выиграть или, по крайней мере, не проиграть (успех сухопутных сил против Франции считался обеспеченным). Но и в строительстве кораблей, и в технологическом прогрессе Германия отставала.

У немцев было два пути.

Они могли поставить на тактику, то есть в непрерывных военных играх искать способы выигрыша генерального сражения против объективно более сильного флота. Научиться сражаться на море лучше противника. По этому пути в 1920-1930-е годы пошла Япония, которую Вашингтонские соглашения обрекали на проектирование морской войны с заведомо сильнее-шим противником¹⁷.

Немцы могли поставить на технологии и качество, чтобы строить корабли лучше, чем у противника.

А. Тирпиц выбрал второе решение. Для него оно было более простым.

До сих пор многие усердно ломаются в открытую дверь, доказывая, что немецкие корабли были лучше английских. В целом, это правда, если сравнивать только с точки зрения искусства кораблестроения. Они и должны были быть лучше, поскольку англичане строили слишком много и слишком быстро, рассчитывая взять количеством.

А немцы старались. «Баден» и «Байерн», их линкоры с 380-мм орудиями *«смели бы эскадру Битти с поверхности моря»*¹⁸, но эти линкоры не успели к сражению. А если бы и успели? По всем разумным раскладам они дрались бы не с линейными крейсерами британского авангарда, а с быстроходными линкорами 5-й эскадры, тоже вооруженными пятнадцатидюймовыми пушками. Только у англичан их было не два, а пять (четыре приняли участие в Ютландском бою).

«Тирпиц строил хорошо, но не всегда то, что нужно». Когда сравниваешь характеристики германских и английских кораблей линии баталии, возникает упорное ощущение, что немцы, отнюдь, не стремились к победе в генеральном сражении и не думали о ней. Они с самого начала *«играли на ничью»*.

¹⁶ Г. Нельсон уничтожил датский флот в гавани Копенгагена, хотя Дания была в тот момент нейтральной державой. Известно, что Д. Фишер в 1908 году призывал короля Эдуарда VII «копенгагировать» германский флот.

¹⁷ Согласно формуле «5: 3» тоннаж японского флота не должен был превышать 60 % тоннажа флота Великобритании и США. Поскольку те же Соглашения разрывали Англо-Японский морской союз, Япония должна была считаться с той возможностью, что ее силы в генеральном сражении будут в два или даже в три раза меньше, чем у противника. При этом Вашингтонские договоренности оговаривали не только суммарное водоизмещение, но и количество кораблей линии баталии и их предельные тактико-технические характеристики.

¹⁸ (с) Ф. Персиваль.

Прежде всего, германский линейный флот был более медленным. Первые линкоры (типа «Нассау» и «Остфрисланд») были оснащены паровыми машинами и на пределе развивали 19 – 20 узлов. «Кайзер» и «Кениг» устойчиво давали 21 узел, что соответствовало английским требованиям к дредноутам. Но «Бадены» на два узла отставали от «Куин Элизабет». На практике германская эскадренная скорость в бою не должна была превышать 18 узлов, англичане могли позволить себе держать 20 – 21 узел.

Тактически германский флот не мог принудить английский к бою.

Далее, германские корабли были превосходно бронированы (ни один из дредноутов Кайзерлихмарине не был потоплен в годы войны, хотя они получали и минные пробоины, и попадания тяжелых снарядов). Но при этом они были недовооружены и отличались архаичным расположением артиллерии (первые два типа).

Вообще, сравнение «Дредноута» с «Нассау» показывает, что дефицит времени, который возник у немцев вследствие вступления Великобритании в «дредноутную революцию» *первой*, не дал А. Тирпицу времени на поиск оптимальных решений. В сущности, немцы строят «настоящие дредноуты», только начиная с «Кайзера». Но к этому времени англичане уже перешли на сверхдредноуты и 343-мм калибр.

В целом корабли линии баталии у немцев получились *только лишь неплохие*. Их превосходство в бронировании компенсировало относительную слабость артиллерии и недостаточную скорость. Но оно не компенсировало количественное отставание – особенно с учетом врожденных пороков дредноутов первых двух серий.

С немецкими линейными крейсерами дело обстояло, на мой взгляд, даже хуже. Прежде всего, если «Нассау» в списки дредноутов все-таки включают, то «Блюхер» такой чести не удостоился. Здесь реакция А. Тирпица на английский вызов была явно неудачной, вследствие чего германский флот получил новый и дорогой корабль, который не имел никаких разумных перспектив применения и бесполезно погиб в бою у Доггер-банки. «Фон-дер-Танн», правда, стал отличным ответом на «Инвинсибл»: он превосходил оппонента по бронированию (пояс 250 мм против 152 мм) при сопоставимом вооружении и скорости. «Мольтке», «Гебен» и «Зейдлиц» были сильнее «Индефатигибла» и по вооружению. Эти четыре немецких корабля, безусловно, уравновешивали шесть английских.

Но один «Дерффлингер» никак не стоил трех «Лайонов»! Та же проблема – ответ А. Тирпица на очередной ход Д. Фишера немного, но все-таки запоздал. Обычная проблема игры «вторым номером»: именно поэтому говорят, что инициатива – это уже преимущество.

Кроме того, хотя по справочникам читается по-разному «по жизни» английские линейные крейсера превосходили германские на 2 – 3 узла во всех боевых столкновениях. В бою у Доггер-банки это помогло им втянуть неприятельскую эскадру в сражение.

Похоже, А. Тирпиц не до конца понял, зачем ему (и флоту) вообще нужны линейные крейсера. Как уже говорилось, он строил отличные корабли, красивые, сбалансированные, в отличие от своих английских визави, но не ориентированные на решение конкретных тактических задач. Авангардный корабль с хорошей защитой и недостаточной скоростью, не способный навязать противнику бой – это, конечно, нонсенс.

Хороший линейный крейсер не может быть сбалансированным.

В целом А. Тирпиц явно предполагал эскадренный бой, не содержащий маневра: перестрелку параллельных кильватерных колонн. Этот бой немцы не могли выиграть (английская линия длиннее и состоит из более вооруженных кораблей), но велики шансы его не проиграть, поскольку немецкие корабли лучше защищены и обладают большей боевой устойчивостью. Напомню, что ничья в генеральном сражении – в пользу флота «претендента».

Альфред фон Тирпиц (19 марта 1849 г. – 6 марта 1930 г.), родился в Кюстрине в семье высокопоставленного государственного чиновника.

В 1865 г. поступил на службу в военно-морской флот, в 1869 г. окончил морскую школу в Киле. В 1866 г. служил артиллеристом на парусном корвете «Ниобея», в 1870 г. на броненосце «Кениг Вильгельм». В 1871 г. старший офицер канонерки «Блиц», стационара на Эльбе, которую в 1872 г. послали для охраны ловли сельди.

В 1877–1880 гг. А. Тирпиц принимает торпеды в Фиуме, становится главой торпедного дела и с 1886 г. главой инспекции минного оружия. С 1887 г. командир флотилии миноносцев.

1889–1890 гг. командует кораблями «Прейссен» и «Вюртемберг» на Средиземном море.

В штабе флота с 1892 г., в 1895 г. получил звание контр-адмирала.

Весной 1896 г. Тирпица назначили командующим Восточно-Азиатской крейсерской эскадрой. Он получил задачу изыскать на побережье Китая пункт для сооружения военно-морской базы, ибо защищавшая интересы германской торговли эскадра зависела от английских доков в Гонконге. Тирпиц считал единственно пригодным и с военной, и с экономической точки зрения Циндао.

Благодаря его настойчивости после долгих колебаний Берлин согласился с мнением адмирала.

В 1900 г. А. Тирпицу пожаловано дворянство.

В 1911 г. – гросс-адмирал.

1897–1916 гг. – морской статс-секретарь Германии.

В 1916 г. подал в отставку в знак протеста против ограничения деятельности подводных лодок. В следующем году стал главой Немецкой отечественной партии. После поражения Германии А. Тирпиц стал членом Немецкой национальной народной партии. В 1925 г. поддержал кандидатуру П. Гинденбурга на пост рейхспрезидента.

Во время войны последовательно выступал за сепаратный мир с Россией: *«для стратегического обеспечения Восточной Пруссии от нападения мы могли бы потребовать линию Нарева и за это предоставить русским соответствующую часть Восточной Галиции. Австрия, в случае нужды, могла быть вознаграждена Ново-Базарским санджаком в Албании. При нашем посредстве русские могли получить право прохода для своих военных судов через Дарданеллы, а в случае заключения с нами союза – островов в Эгейском море. От Багдадской железной дороги мы могли бы отказаться или предоставить русским участие в ней. Мы могли признать свободу действий русских в Персии и принять на себя уплату русских долгов Франции. Возможны были еще более благоприятные условия, если бы русским удалось устроить нам мир с Японией. Относительно Константинополя русские должны были понять, что мы не можем совершенно оставить турок: но мы могли обещать постепенно изменить нашу турецкую политику».*

Награды:

Орден «Pour le Merite» (10 августа 1915 г.).

Орден черного орла.

Орден красного орла.

Орден дома Гогенцоллернов.

Кавалер Большого Креста ордена Святого Олафа (Норвегия).

Большой крест ордена Данеброг (Дания).

Орден почетного легиона.

Кавалер Большого Креста королевского венгерского ордена Святого Стефана.

Орден Фридриха (Вюртемберг).

Орден Филиппа Великодушного (Гессен).

Примерно через год после своей отставки, 29 марта 1916 г., Фишер написал письмо Альфреду фон Тирпицу:

«Дорогой старина Тирпиц! Мы оба оказались в одной лодке! Как бы то ни было, мы обошли тебя с линейными крейсерами, и я слышал, ты сказал, что никогда не простишь мне, что наши отправили на дно «Блюхер» и фон Шнее с его командой!

Не вешай носа, старик!.. Ты единственный немецкий моряк, который понимает толк, в войне! Убей своего врага, чтобы он не убил тебя. Я не виню тебя за эти дела с подводными лодками. Я бы и сам делал то же самое и давно предупреждал об этом, только наши идиоты в Англии не верили! Пока! Твой, до замерзания ада. Фишер».

Конечно, оценка проектов давно разделанных на металл кораблей – дело вкуса. Большинство историков предпочитают крепкие и надежные германские корабли, построенные так, чтобы при любых мыслимых ситуациях сохранять боевую устойчивость. Такие корабли почти непобедимы. Но и победить они могут только при совершенно особых обстоятельствах и откровенном везении. Мне больше нравятся линкоры и линейные крейсера Великобритании, разнообразные, быстроходные, построенные *«быстро и плохо»*, часто – для одного конкретного боя.

Для нового Трафальгара.

Здесь, впрочем, есть одна неочевидная ловушка: немецким флотом Первой мировой войны мог командовать практически любой профессиональный моряк. Однородные сбалансированные эскадры, подготовленные А. Тирпицем, предполагали простое маневрирование и очевидные тактические решения. А вот для того, чтобы правильно использовать сложный британский флот с предельно несбалансированными кораблями, требовался талант адмирала.

Флот без боевых задач: Франция, Россия, Австро-Венгрия

Мы оставили без внимания концепцию крейсерской войны, патентованное оружие более слабого флота. Во-первых, она противоречит принципам морской стратегии. Во-вторых, как обсуждалось в предыдущей книге, Германия к такой войне в действительности не готовилась. Все-таки, А. Тирпиц ставил на линейный бой, крейсера были для него разведчиками Флота Открытого Моря, а не истребителями британской торговли. Можно обсуждать, следовало ли ему строить океанские линейные крейсера с дизельными двигателями, турбинами экстренного хода и огромной дальностью плавания. Решение было красивым, немцы в межвоенный период реализовали его в «карманных линкорах», но вряд ли оно меняло ситуацию на море коренным образом. Проблем с защитой торговли у англичан оказалось бы гораздо больше, возможно, они потеряли бы сколько-то крейсеров, но все равно рейдеры были бы уничтожены. Слишком много британских кораблей «дредноутная революция» отправила в периферийные моря.

Во всяком случае, какая-то военно-морская игра у немцев была: попытки действовать на коммуникациях, надежда «поймать» отдельную английскую эскадру и создать условия для выигрыша генерального сражения. В логике: армия разбирается с Францией и нейтрализует Россию, флот склоняет к миру Англию, *лишившуюся континентальных союзников*.

Гораздо сложнее понять, для чего существовали остальные флоты Первой мировой войны?

Франция и Россия собирались воевать на суше. Причем для Франции это была судьбоносная война, которую она могла проиграть за одну кампанию. Задачи армии были совершенно ясны. Что же касается флота, то при английском нейтралитете он был бы не в силах даже прикрыть французское побережье от Флота Открытого Моря, а союз с Англией делал его просто лишним. Никаких разумных задач перед французскими линкорами и броненосцами не ставилось: французы не могли вести крейсерскую войну (не с кем), не могли готовиться к линейному бою или блокировать неприятельское побережье – банально не хватало сил. Теоретически французский флот мог помочь армии – по крайней мере, в боях на побережье Фландрии, но такую задачу перед ним никто не ставил, соответственно, и французские корабли были слабо пригодны для действий против берега.

Флот Австро-Венгрии базировался на Полу и удерживал Адриатическое море, которому никто не угрожал. Выйти за его пределы австрийским кораблям было затруднительно, хотя бы из-за недостаточного радиуса их действия.

Россия могла ставить перед собой содержательные задачи на Черном море, но черноморские дредноуты, во-первых, опоздали к войне, во-вторых, имели недостаточную скорость. Что же касается Балтики, то к концу 1914 года Россия имела там четыре дредноута, надежно спрятанных за стационарной минной позицией Порккала-Удд – Ревель. Выходить в Балтику они не могли, да и не собирались. Каких-либо задач в пределах «Маркизовой лужи» у них, с очевидностью, не было.

Оборона Петербурга от германского десанта? Она решается сухопутной армией, линкоры здесь не нужны.

Дредноуты, конечно, могли защитить столицу от набеговых операций типа тех, которые немцы проводили против английских прибрежных городов, но начертание берегов Финского залива и минная угроза делали такую операцию заведомо рискованной. Немцы как-то попытались прорваться через центральное минное заграждение флотилией эсминцев и потеряли семь кораблей. Набег линейных крейсеров типа обстрела Скарборо мог бы стоить намного дороже, и немцы, разумеется, ничего подобного не планировали.

Дредноуты так и простояли в Гельсингфорсе всю войну, не принеся никакой ощутимой пользы.

Хорошо еще, что так и не были достроены четыре линейных крейсера класса «Измаил»...

Здесь следует сказать, что для предвоенной эпохи был характерен маринизм, иметь в составе своего флота красивые и мощные корабли, способные эффектно демонстрировать свой флаг во время официальных визитов, было не просто модно – это считалось признаком хорошего тона. Корабли строились для парадов, для оказания политического давления, строились и просто так, «чтобы были».

Когда началась война и стало ясно, что она будет схваткой насмерть, все морские программы, кроме английской и немецкой, были немедленно остановлены.

Сюжет первый: война чисел

«Война, – сказал он, – никогда не была точной наукой или определенным искусством. Тем не менее, в ней проявлялся гений народа или замысел одного человека. Но как определить качества, которые понадобятся главнокомандующему в будущей войне, когда придется иметь дело с такими грандиозными массами и сложными движениями, каких не может охватить ум одного человека? Все возрастающее обилие технических средств истребления, умножая до бесконечности причины возможных ошибок, парализует гений вождей. На известном уровне военного развития, которого почти достигли наши учителя-европейцы, и самый умный полководец и самый невежественный становятся равно бессильными. Другим результатом современных гигантских вооружений является то, что закон больших чисел начинает действовать здесь с непреклонной силой. В самом деле, можно с уверенностью сказать, что десять мятежных ангелов стоят больше десяти ангелов Иалдаваофа. Но мы не можем быть уверены в том, что миллион мятежных ангелов стоит больше, чем миллион ангелов Иалдаваофа. Большие числа в военном деле, как и повсюду, сводят к нулю ум и всякое личное превосходство в пользу того, что может быть названо коллективной душой, весьма примитивной по своим свойствам».

А. Франс «Восстание ангелов»

Начиналась другая война.

На Западном фронте последний акт Генерального сражения, во многом формальный, был доигран в середине ноября или даже ранее. На востоке сложная сюжетная Лодзинская операция относилась к маневренной войне, в то время как декабрьские столкновения русских, германских и австрийских войск особого содержания уже не имели и велись в силу инерции. На Турецком фронте к началу 1915 года война только разгоралась, и основные события были впереди.

Позиционные формы боевых действий медленно продвигались с северо-запада на юго-восток, меняя характер и смысл войны. После Рождества 1914 года высшие штабы Антанты и Центральных держав заговорили об «осаде крепости».

На западе первая линия обороны этой крепости была вынесена далеко вперед – во Францию и Бельгию. За ней естественными рубежами служили Маас и Рейн. Впрочем, немцы были полны решимости отбить любые атаки врага на чужой территории, не отдавая ни пяди захваченной земли.

На северо-востоке продолжались бои за приграничные районы Восточной Пруссии и Польский балкон, южнее русская армия осаждала Перемышль и постепенно втягивалась в Карпаты. В Сербии держалась линия Дуная и Дрины, на Анатолийском нагорье вдоль немногих дорог разворачивались очаговые действия.

В целом к концу 1914 года «восточная» линия равновесия еще не определилась, а «южная» вообще находилась в процессе становления.

Позиционная война

Позиционный тупик стал одним из ярких символов Первой мировой войны. Например, у Барбары Такман: *«наступления, похожие на бойню, когда сотни и тысячи людей гибли, чтобы захватить десяток метров чужой территории, сменяя одну траншею с болотной грязью на другую, оскорбляли здравый смысл и достоинство человека».*

Осознание изменения характера войны пришло не сразу: к французским солдатам на передовой – осенью 1914 года, к английским и немецким полевым войскам – ближе к Рождеству, а к некоторым британским штабным генералам – лишь тремя годами позже, после Пашендельской катастрофы.

К рубежу 1914 и 1915 годов о позиционной войне заговорили вслух и громко. Нужно было определиться с ее причинами и наметить какой-то план действий, поскольку довоенные Уставы в условиях позиционного фронта продемонстрировали полную непригодность.

Причины позиционного тупика искали в новых технических средствах ведения войны. Читаем у Б. Лиддел-Гарта: *«Застой окопной войны был вызван в первую очередь изобретением американца Хирама Максима. Имя его резче запечатлелось в истории мировой войны, чем имя любого другого человека. Императоры, государственные мужи и генералы могли привести к войне, но закончить ее они были не в силах. Завязав войну, они оказались беспомощными марионетками в руках Хирама Максима. Своими пулеметами он парализовал мощь наступления».* Эта точка зрения дожила до наших дней, хотя Вторая мировая война, вроде бы, доходчиво объяснила, что пулеметы мобильному характеру операций, отнюдь, не препятствуют.

Кстати, осенью 1914 года пулеметов в сражающихся армиях было еще довольно мало: у немцев и французов, например, по 6 штук на полк. Да и рассматривались они не столько, как средство обороны, сколько как *«оружие преследования»* или *«средство обеспечения огневого превосходства»*. Как правило, немецкие командиры полков держали пулеметные роты в резерве и использовали их ситуационно. Французы же и вовсе свои пулеметы весьма неудачной конструкции Сент-Этьена¹⁹ придавали пехотным батальонам, по два на каждый, причем отделение пулеметов должно было следовать за пехотой.

¹⁹ «Сент-Этьен» являлся глубокой модернизацией неудачного пулемета «Пюто» образца 1905 года, отличавшегося весьма оригинальной схемой автоматики. Перезарядка в нем происходила за счет отбрасывания вперед пороховыми газами массивного надульника, связанного с затвором при помощи шестерни и длинной зубчатой рейки. Конструкция получилась слишком дорогой, сложной и ненадежной, поэтому уже через два года в государственном арсенале Сент-Этьен был разработан новый пулемет, в котором надульник заменили газовым поршнем. Однако затворный и спусковой механизмы остались прежними, и потому казенная часть «Сент-Этьена» почти такая же, как и у его предшественника. (...) В целом же «Сент-Этьен» получился не менее сложным и ненамного более надежным, чем «Пюто». К тому же он быстро перегревался, требовал бережного ухода, боялся грязи и пыли. По словам французского журнала «Ревю д'Инфантери», обращаться с «Сент-Этьеном» могли только истинные виртуозы пулеметного дела, а у остальных он постоянно заклинивал. (...) Внутреннее устройство «Сент-Этьена» по сложности напоминает часовой механизм...» <http://alternathistory.com/kapriznyi-frantsuz-stankovyyi-pulemet-saint-etienne-mle-1907K> 1917 году «Сент-Этьены» были заменены *«более совершенными «Гочкинсами»*, о которых современные аналитики пишут примерно следующее: *«Газы отводились из канала ствола и толкали поршень, производя необходимые действия по удалению гильзы и повторному заряжанию. Подпружинный выбрасыватель затвора производил извлечение стреляной гильзы. Когда затвор двигался назад, то он поворачивал качающийся отражатель, расположенный в ствольной коробке, и тот выталкивал гильзу вправо. Газовая камера закрытого типа, с цилиндром и специальным регулятором, работала по принципу изменения объема камеры. В нижней части ствольной коробки расположена винтовая возвратно-боевая пружина. Качающаяся личинка (рычаг), расположенная в задней части затвора, производила запирающие действия канала ствола. Выстрел производился с заднего шептала. Длина хода всей подвижной части пулемета – 165 мм. При стрельбе, а также при ее прекращении спусковой крючок испытывал большие импульсные нагрузки. Патроны поставлялись в полужестких лентах по 250 штук и в жестких лентах по 30 штук. Оба вида лент были неудобными. Жесткие ленты перекашивало, сминало, они были очень восприимчивы к попаданию грязи. Полужесткие ленты были не лучше, хотя они и состояли из шарнирно-соединенных звеньев по три патрона, но удобство процесса заряжания от этого не повысилось, также как и боевая скорострельность».* (Брусилов, Дмитрий Владимирович «Оружие и техника Первой мировой войны» / Д. В. Брусилов. – Москва: АСТ, 2014).

Само собой разумеется, что со временем ситуация изменится: пулеметные гнезда в бетонных тумбах как основа оборонительной позиции, пулеметы на обратных скатах высот, замаскированные пулеметы для ведения фланкирующего огня по прорвавшейся пехоте... но все это – не 1914 год, и даже не первые месяцы 1915-го.

Подобным же образом осенью 1914 года обстояло дело с колючей проволокой и – шире – с полевой фортификацией. В августе – сентябре 1914 года поставки проволоки составляли 365 тонн, в декабре они повысились до 5330 тонн. В течение следующего года производство растет – 8020 тонн в июле, 18 750 тонн в октябре – и это было всего лишь 86 % от текущих потребностей фронта. Понятно, что на фоне таких цифр сотни и первые тысячи тонн «колючки» осени – зимы 1914 года впечатления не производят, и израсходованы они были еще во время первого такта «Бега к морю».

Окопы сооружались повсеместно, но пока еще стихийно, без всякого понимания тактической обстановки, да и почти без шанцевого инструмента: в лучшем случае на двух пехотинцев приходилась одна неудобная лопата с короткой ручкой. Получались ямы-укрытия без ходов сообщений, второй линии, тыловой позиции и даже отхожих мест.

В общем, пулеметов было очень мало, полевая фортификация оставалась весьма несовершенной, да и создавалась стихийно. Следует отметить, что, например, в болотистом грунте Фландрии рыть окопы было почти невозможно.

«Окопы и колючая проволока» часто рассматриваются как средство ведения войны, которое применимо в обороне и неприменимо в наступлении (в морской войне аналогичную роль отводят минным постановкам). Отсюда делается вывод о *«превосходстве обороны над наступлением в специфических условиях Первой мировой войны»*. Удивительно, но это суждение встречается даже в некоторых марксистских работах, посвященных причинам образования позиционного фронта.

Ошибка, на которую указывает уже Ли Вэй-Гун (VI век н. э.), ссылаясь на работы Сунь-Цзы (VI век до н. э.): *«Тай-цзун сказал: наступление и оборона ведь по сути дела это одно и то же, не так ли? (...) Наступление и оборона – это один закон. Противник и я... отдельно мы образуем два элемента. Если у меня удача, у него неудача; если у него удача, у меня неудача. Удача и неудача, успех и неуспех – в этом мы с ним различны. Но в наступлении и обороне мы с ним одно. И тот, кто это единство понял, может сто раз сразиться и сто раз победить. Поэтому Сунь-цзы и говорит: «Если знаешь его и знаешь себя, сразишься сто раз, и не будет опасности». Не сказал ли он этими словами о знании именно этого единства?»*

Ли Вэй-гун почтительно склонился и ответил: *«Глубок закон Совершенного. Наступление есть механизм обороны, оборона есть тактика наступления. Они одинаково приводят к победе. Если, наступая, не уметь обороняться и, обороняясь, не уметь наступать, это значит не только считать наступление и оборону двумя разными вещами, но и видеть в них два различных действия. Такие люди языком могут сколько угодно твердить о Сунь-цзы и об У-цзы, но умом не понимают их глубины. Учение о единстве наступления и обороны... Кто может понять, что оно именно в этом и состоит?»* («Ли Вэй-гун вэньдуй», стр. 54–56).

Чисто формально: траншеи и «колючку», разумеется, можно использовать в наступлении, хотя бы, поскольку они позволяют экономить силы на вспомогательных направлениях и создавать решающее преимущество на направлении главного удара.

Это, конечно, относится и к артиллерии, но здесь есть одна существенная тонкость. До войны артиллерия рассматривалась, прежде всего, как оружие наступления. Германские уставы формально определяли наступление, как *«перенос линии действия артиллерии вперед»*. И Пограничное сражение немцы выиграли именно за счет превосходства в артиллерии и грамотного ее использования. Но двумя неделями позже выяснилось, что артиллерия является основой оборонительного боя. В битве на Марне (прежде всего, в боях на реке Урк) она проявила умение блокировать четко различимые рубежи, такие как *«тополиная дорога»*, делая их

непроходимыми для неприятельской пехоты, пусть даже и обладающей заметным численным превосходством. В этой логике можно сказать, что артиллерия, действующая с хорошо укрытых позиций, является практически неуязвимой для наступающих войск, и ее останавливающее действие исключительно велико. К этому войска не были готовы, соответствующие положения в уставах по вождению войск отсутствовали. «На коленке» ответственные командиры придумывали какие-то временные меры, чтобы «обмануть» неприятельскую артиллерию. Примером может служить «ночная штыковая атака» 3-й германской армии фон Хаузена на Фор-Шампенуаз во время Марнской битвы. Разумеется, подобные «гамбиты» носили однократный характер. К тому же, если они и приносили успех, то ценой огромных жертв.

Понятно, что здесь речь идет не о *«превосходстве обороны над наступлением»* и уж точно не о том, что *«артиллерия является оружием обороны, которое не может быть использовано в наступательном бою»*. Блокирующее действие артиллерии оказалось неприятной неожиданностью, на которую своевременно не удалось найти ответ.

Другими словами, в этой модели, которой с некоторыми оговорками придерживается, например, М. Галактионов, *позиционный фронт возник, потому что война не соответствовала довоенным представлениям о ней*.

Вообще говоря, это верно, но как раз в отношении артиллерии вывод ошибочен. Дело в том, что ко времени становления позиционного фронта, к осени 1914 года, во всех воюющих армиях начался острый кризис военного снаряжения. Нельзя даже сказать, что *«реальная действительность в отношении расходования материальных средств ведения войны опрокинула все расчеты штабов и военных министерств»*. Снарядов было запасено ровно столько, чтобы хватило – с избытком, с запасом, в режиме «ни в чем себе не отказывайте» – на все Генеральное сражение. Вместе с ним должна была завершиться и война. Но запасы закончились, война продолжалась, а текущее производство не покрывало и десятой доли потребности армии. До конца декабря французская промышленность могла поставлять ежедневно не более трех снарядов на орудие. В Приграничном сражении, в битве на Марне в боях во Фландрии артиллерия расходовала сотни снарядов на орудие в сутки (в мемуарах артиллеристов называются такие цифры, как 800 снарядов на батарею и даже больше).

К декабрю кончилось все. Снаряды, патроны, орудия, пулеметы, колючая проволока, а также обученные, подготовленные, желающие воевать люди.

Но еще раньше закончились планы и идеи.

На мой взгляд, переход к позиционной войне зимой 1914 года имел две составляющие, которые вполне можно назвать *стратегической и тактической позиционностью*.

Стратегическим тупиком был сам исход Генерального сражения.

Да, союзники выиграли его, заставив Центральные державы перейти к повсеместной обороне, по крайней мере, временно. Но проигравшая сторона обосновалась на неприятельской территории, имела в своем распоряжении неистраченные резервы, память одержанных побед и капитулировать вовсе не собиралась.

Победители же были поставлены перед необходимостью конвертировать достигнутый успех и свое ресурсное превосходство в неоспоримую победу. Но они понятия не имели, каким образом это сделать.

З. Тарраш: *«Черные явно не знают, что же им делать; они стоят хорошо, а дальше что? Чтобы победить, им не хватает выигрывающей идеи, всего лишь идеи!»*

Французский план войны потерпел крах еще до начала Пограничного сражения, немецкий – на Марне, австрийский – в Галиции, русский – в Восточной Пруссии. Англичане скольконибудь содержательного плана войны на суше не имели вовсе. В октябре – ноябре стороны решали, преимущественно, оперативно-тактические задачи в логике, «как сразу не проиг-

рать», если не считать Э. Фанкельгайна, который попытался изобразить во Фландрии «что-нибудь шлиффеновское», но ни пространства, ни времени для маневрирования уже не было.

Если в 1914 году сталкивались планы, и сражения подчинялись общей логике, а боевые действия были содержательными, то к зиме всякое содержание закончилось, и не осталось ни времени, ни сил, ни мысли, чтобы создать новое. Война утратила свою интеллектуальную составляющую. *Этот концептуальный кризис проявился на фронтах как позиционный тупик.*

Сильнейшая сторона не знает, как ей реализовать свое преимущество, слабейшая играет «вторым номером», пытаясь изменить соотношение сил за счет тактического превосходства и *«боевых качеств германского солдата»* – при таких оперативных замыслах ничего, кроме позиционного тупика, получиться не может.

Признанием данного обстоятельства стала французская *«стратегия размена»*, она же *«стратегия истощения»*: поскольку мы обладаем численным превосходством, нам нужно только все время «разменивать» наших солдат на неприятельских, и в конце концов у немцев кончатся люди. Такая концепция войны обрекала на гибель миллионы солдат и полностью игнорировала два обстоятельства: во-первых, солдаты, которых цинично «разменивают», могут просто отказаться повиноваться; во-вторых, чтобы в борьбе с немецкой пехотой разменивать людей в пропорции один к одному, тоже нужно было известное искусство.

«Стратегия размена», конечно, являлась надругательством над всеми принципами военного искусства вообще. Но противопоставляемая ей *«стратегия сокрушения»* была ничем не лучше. В сущности, вся разница была в том, что сторонники истощения предполагали максимально затянуть войну, чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами экономической блокады Германии, а адепты сокрушения предполагали произвести «размен» за одну большую операцию, в которую будут втянуты и перемолоты все резервы противника.

Оперативно-тактическая позиционность была связана с явлением, которое десятилетиями позже, после создания общей теории систем, получило название *кризиса аналитичности*²⁰.

Военное искусство опирается на науку, прежде всего, на логику: расчет движения войск и линий их снабжения. В условиях армий «образца 1914 года» основой логистических расчетов была железнодорожная сеть. Автомобильный маневр практически не применялся (Марна – исключение, подтверждающее правило), использование гужевого и автомобильного транспорта для доставки боеприпасов практиковалось лишь от конечных железнодорожных станций – по современной терминологии – «последняя миля».

В результате дислокация войск и возможные вектора их движения определялись, в первую очередь, начертанием железнодорожной сети, затем – структурой автомобильных дорог. Это делало оперативные планы предсказуемыми и практически лишало любое наступление внезапности. Поскольку уровень штабной работы в сражающихся армиях был, в целом, одинаков (исключая турецкие войска), элементарная интроспекция позволяла своевременно обнаружить любой разумный, то есть отвечающий «хорошей военной практике», маневр неприятеля и парировать его. Конечно, время от времени предпринимались совершенно «дикие» действия вроде ночной атаки Хаузена против Фоша – как правило, с самыми негативными результатами.

Иными словами, стороны одинаково грамотно мыслили, одинаково грамотно располагали резервы, одинаково четко маневрировали ими и в обороне и в наступлении. Они одинаково понимали ситуацию. Потому и не могли ее изменить.

²⁰ По материалам статей Р. Исмаилова и С. Переслегина «Танковые сражения: теория и практика», С. Переслегина «Основные понятия аналитической стратегии». Опубликовано в книге Э. Манштейн «Утерянные победы», М., АСТ, 2000.

В новых условиях (одинаково высокий уровень штабной работы, возрастание роли артиллерии, действующей с закрытых позиций и практически неуязвимой для других родов войск) уравнения Остроградского-Ланчестера²¹ стали выдавать приемлемые приближения к реальности.

Война приобрела аналитический характер²².

Это предполагало устойчивость возникших решений²³.

«Дело в том, что предсказуемость будущего дает обеим сторонам практически одинаковые возможности для поиска решений. Пусть в результате действий обе стороны пришли к более или менее устойчивой ситуации. Устойчивость означает, что для существенного изменения оперативной обстановки нужно приложить усилия, выходящие за рамки рассматриваемого малого участка фронта. К примеру, перебросить резервы с других участков. Но поскольку противник не заинтересован в ухудшении своего положения, он будет противодействовать нашим попыткам выйти из устойчивого состояния. И в аналитической ситуации равные позиции всегда преобразуются в равные. На математическом уровне: позиция стремится к состоянию с наименьшей энергией, то есть армии и полководцы оказываются в потенциальной яме. А из нее выйти намного труднее, чем туда попасть.

Устойчивость решений тактических задач вылилась в примат обороны над наступлением. (Поскольку оборона это сохранение достигнутой позиции, а наступление – попытка создать иную позицию.)

С точки зрения оперативного искусства аналитичность породила принцип «нескомпенсированной слабости». Суть его заключается в том, что наступление обречено, пока противник может своими резервами «компенсировать» наступление, то есть закрыть прорывы. Лишь при наличии нескомпенсированной слабости наступление может привести к успеху. Для немцев это означало неизбежность поражения, поскольку какие бы решения они ни принимали, у них всегда было на одну слабость больше, чем у противника: людские и экономические ресурсы Германии были несоизмеримо малы» (Р. Исмаилов, С. Переслегин).

В условиях кризиса аналитичности оперативная ситуация перестала зависеть от принимаемых сторонами решений. Теперь она определялась теоремами о позиционности:

- Взаимно блокированные позиции обладают равной для обеих сторон связностью²⁴.

- ◆ Следствие: позиция равной связности всегда является изохронной – время, необходимое для маневра силами вдоль линии фронта, для обеих сторон одинаково.

²¹ «Очень простые дифференциальные уравнения, описывающие изменение численности войск от взаимного огневого (и любого другого) воздействия. По своему значению в аналитической стратегии близки к трем законам механики Ньютона. Особенностью использования этих уравнений является необходимость описывать силу каждой единицы войск лишь одним коэффициентом, в общем случае абсолютно абстрактным, что существенно снижает прогностическое значение таких выкладок. Суть «аналитической революции» в том и состоит, что при высоком уровне штабной работы и очевидном господстве на поле сражения артиллерии, действующей с закрытых позиций, коэффициенты боевой силы обретают смысл, и исход боевого столкновения (который ранее всегда был функцией тех или иных случайностей, в числе которых, например, талант полководца) стал с хорошей точностью описываться уравнениями Остроградского». (Р. Исмаилов, С. Переслегин «Танковые сражения: теория и практика»).

²² Формально это означает, что вооруженные силы можно свести к совокупности «стандартных дивизий», обладающих фиксированным параметром – боевой силой. Соответственно ход, исход и длительность «нормального боя» однозначно определяются соотношением боевых сил сторон и могут быть определены априори. В действительности, истинная боевая сила «стандартной дивизии» должна быть представлена как сумма двух составляющих: $s=a+h$, где первый член обозначает формальную боевую силу в аналитической модели, а второй – добавка, связанная с теми или иными случайными факторами, прежде всего, с поведением живых людей, обладающих свободой воли. Если $h<$

²³ Что делает априори бессмысленными любые «позиционные» альтернативы. Понятно, что атаки могли бы развиваться как-то иначе: на других направлениях или с использованием иных технических средств – могли быть лучше или хуже решены проблемы организации и связи и т. д. Но на конечный результат это не повлияло бы – именно в силу устойчивости решений. Грубо говоря, в Альтернативных Реальностях наступления будут срывать так же, как и в Текущей, хотя и по иным причинам.

²⁴ Связность позиции определяется как величина, обратная к максимальному времени переброски «стандартной дивизии» между любыми двумя ее точками. Пункты, владение которыми резко меняют связность, называются узлами позиции. «Главный» узел позиции называется центром позиции.

- При аналитическом характере войны взаимно блокированные позиции устойчивы, что приводит к появлению позиционного фронта.

- ♦ Следствие: при позиционной войне всегда можно найти соответствие между *узлами связности* сторон, иначе говоря, *центры позиций* сторон симметричны относительно линии фронта.

- Прорыв позиционного фронта возможен, при этом связность уменьшается у обеих сторон. Однако связность наступающей стороны уменьшается быстрее, если коммуникации выступа проходят через разрушенную при прорыве зону. Поскольку уменьшение связности эквивалентно уменьшению эффективного числа стандартных дивизий, выполняется принцип Ле-Шателье, и наступление останавливается. Можно показать, что глубина выступа *обязательно* лежит в пределах от 50 до 100 % от его ширины.

В последующие три года стороны на практике проверяли непреложность этих теорем. Выяснилось, что они выполняются неукоснительно, то есть позиционный фронт оказался устойчивее, чем государственные режимы, создававшиеся столетиями.

Приходится читать, что вышеприведенные рассуждения верны лишь для Западного фронта, в то время как на востоке, где пространства было больше, а плотность войск – соответственно ниже, война сохраняла маневренный характер. В действительности, позиционность вовсе не означает, что линия фронта не может сдвинуться. Просто *она не может сдвинуться так, чтобы изменить характер позиции*. На западноевропейском ТВД, богатом дорогами, расстояние между узлами позиции было очень мало, и фронт застыл намертво. На востоке дорог и узлов было значительно меньше, в результате чего возникали огромные пространства, овладение которыми или, напротив, оставление которых противнику практически не меняло связность. В первом томе мы столкнулись с такой ситуацией при анализе борьбы за Польский балкон. Пока русские войска удерживали Варшаву и Ивангород, а немецкие – Торн и Бреславль, размашистые передвижения войск в четырехугольнике Варшава – Сандомир – Ченстохов – Калиш не приводили к решительным результатам.

С другой стороны, при потере лишь одной из критических точек позиции немецкий фронт отбрасывался к линии Одера, а русский – к линии Западной Двины. И в этом отношении кампания на Востоке носила такой же позиционный характер, как и на Западе: «здесь», как и «там», фронт оказался устойчивее государства и общества. Разница в том, что на Западе размах колебаний, неизбежных в аналитических системах, составлял единицы километров, а на Востоке – десятки и сотни километров.

Кампания 1915 года: планирование на Западе

С равными основаниями можно сказать, что союзники вообще не имели никакого плана операций на 1915 год, и что у них было, по крайней мере, четыре таких плана.

Прежде всего, единого руководства на Западе не существовало вплоть до весны 1918 года²⁵. Было три независимых командования: бельгийское, английское и французское – каждое со своей зоной ответственности. На практике, конечно, союзные штабы сообщались между собой на уровне личных договоренностей. Это обеспечивало вполне удовлетворительное взаимодействие войск в пределах театра военных действий, что доказали, хотя бы бои во Фландрии.

Французские войска составляли на начало 1915 года абсолютное большинство на ТВД, что обуславливало особую роль французского командования: *«большую часть той войны англо-французские отношения строились исходя из требований командующих французскими войскам, если не сказать, что они вообще были подчинены целям и задачам последних»*²⁶. С другой стороны, в политическом и отчасти экономическом отношении Франция в это время уже зависела от Великобритании, поэтому Д. Френч пользовался известной свободой действий. К тому же число британских дивизий во Франции непрерывно увеличивалось. Уже 26 декабря 1914 года экспедиционные силы были разделены на две армии: 1-я армия Дугласа Хейга включала 1-й, 4-й и Индийский корпуса, 2-я армия О. Смит-Дориена – 2-й и 3-й корпуса, 27-ю дивизию. Позднее в ее состав вошел 5-й корпус. Два кавалерийских корпуса – Индийский и корпус генерала Алленби – оставались под непосредственным командованием Д. Френча, в тылу²⁷.

15 февраля во Франции высадилась 1-я канадская дивизия, которой предстояло стать одной из самых знаменитых воинских частей союзников (первоначально в составе 1-й армии, затем передана во 2-ю армию).

В общем и целом ни Ж. Жоффри, ни Д. Френч не имели на 1915 год активного плана действий. Предполагалось придерживаться выжидательной линии до тех пор, пока не будет преодолен кризис военного снаряжения. Кроме того, военный министр Великобритании Г. Китченер приступил к формированию массовой добровольческой армии, которая к концу 1915 – началу 1916 годов должна была сосредоточиться во Франции, что предполагало резкое изменение соотношения сил на фронте в пользу союзников.

Таким образом, общее наступление переносилось на следующий год, и это можно рассматривать как *первый* из набора союзных планов на кампанию 1915 года на европейском ТВД.

Одновременно, оба командующих – и Ж. Жоффри и Ф. Френч – планировали наступления. Каждый – свое. Англичане – под Неф-Шапелем, французы – в Шампани и в районе Сен-Миельского выступа. И это – *второй и третий планы кампании*.

Кстати, речь шла едва ли не об окружении всех немецких войск в Нуайонском выступе, то есть об уничтожении главных сил неприятеля²⁸. Как это сочетается с решением на стратегическую оборону, понять очень трудно. Вероятно, оба командующих в глубине души были уверены, что дальше вылазки операция все равно не пойдет. Собственно, так и случилось.

²⁵ Тем более, не было и речи о каком-либо взаимодействии Западного и Восточного фронта.

²⁶ Н. Робин Генералы Великой войны. Западный фронт 1914 – 1918. М., 2005.

²⁷ Всего на начало 1915 года во Франции находилось 11 пехотных и 5 кавалерийских британских дивизий, всего около 350 000 человек (со вспомогательным персоналом). Общие потери англичан к этому времени достигли 90.000 человек.

²⁸ Эта простая геометрическая идея так понравилась союзному командованию, что с некоторыми несущественными вариациями оно безуспешно пыталось осуществить ее все последующие годы войны: 1916 год – Сомма, 1917 год – Шмен-ден-Дам, 1918 год – Маас-Аргонская операция.

Но у генералов Западного фронта были свои начальники. Во Франции политическое руководство в тот момент в решения Ж. Жоффра не вмешивалось. Зато в Великобритании военный министр Г. Китченер особых иллюзий по поводу таланта Ф. Френча не питал. Г. Китченер настаивал на обороне на Западном фронте. Второго января 1915 года он написал Д. Френчу: *«...французская армия не способна нанести такой удар по германской линии обороны, который привел бы к отступлению немцев из Бельгии. Если это так, то тогда немецкие рубежи обороны можно считать крепостью, которую нельзя взять штурмом и которая не может быть полностью блокирована в кольце осады. Следствием этого должна стать позиционная война перед осаждаемой крепостью при одновременных активных боевых действиях на других участках»*.

Это письмо стало основанием *четвертого* союзного плана на 1915 год: отказаться от действий на Западном фронте вообще, перейти там к жесткой обороне и сосредоточить усилия против Турции, имея целью вывести ее из войны.

К этой стратегии военное руководство – и британское, и французское – отнеслось резко отрицательно, зато она пришлась по вкусу морскому министру сэру Уинстону Черчиллю. Результатом стала Дарданелльская операция, одна из самых неоднозначных в истории Великой Войны (смотри *Интермедию 2 «Проклятые Дарданеллы»*).

Западный фронт в 1915 году: зима и весна

В конце января – начале февраля 1915 года Германия имела на Западном фронте 7 армий и три армейские группы (26 корпусов, 94,5 дивизии, 1,9 миллиона человек, 4000 легких, 1695 тяжелых орудий). Бельгийская армия насчитывала 6 дивизий, в двух английских армиях было 11 пехотных и 5 кавалерийских, девять французских армий вместе с Лотарингской группой имели в своем составе 73 пехотных и 10 кавалерийских дивизий (всего 105 дивизий, 4000 легких, 1600 тяжелых орудий, 2,65 миллиона человек²⁹).

Начали французы. Шестнадцатого февраля они перешли в наступление в Шампани, которое продолжалось ровно месяц. Может быть, Ж. Жоффе действительно предполагал «отбросить противника к границе», но в действительности 4-я французская армия сумела вклиниться в немецкую оборону только на глубину 300 – 500 метров, при этом ее потери составили 91 тысячу солдат³⁰.

Четвертая французская армия имела в своем составе 4 армейских корпуса, еще 3 корпуса было привлечено из резерва (163 тысячи человек, 879 легких и 110 тяжелых орудий). Этим силам противостояла 3-я германская армия – 85 тысяч человек, 384 легких, 76 тяжелых орудий. В ходе месячных боев в орбиту операции было втянуто еще 9 французских и 12 немецких дивизий, в результате установилось равновесие сил.

В марте 1-я британская армия предприняла наступление под Неф-Шапелем (Невшапелем). В принципе, речь шла о том, чтобы овладеть Лиллем и вынудить противника к отступлению, по крайней мере, из Фландрии. Для этого было необходимо утвердиться на «хребте» Оберс-Ридж³¹, который находился на расстоянии от 1,5 до 6 км от британских траншей. Начать решили с уничтожения немецкого выступа у деревни Неф-Шапель, километрах в полутора от хребта.

Французы южнее должны были поддерживать эту операцию, наступая силами 10-й армии на подобный же хребет Вими, но после боев в Шампани от этой операции отказались, сообщив об этом союзнику только 7 марта, когда англичане уже изготовились к наступлению.

Англичане отменять операцию не стали, тем более что соотношение сил определенно было в их пользу: шесть против двух по дивизиям и сорок восемь к трем по батальонам на направлении главного удара.

²⁹ Напомним, что бельгийские дивизии военного времени насчитывали по штату 18,5 тысячи человек, английские дивизии – 18 000 человек. Иными словами, они представляли собой полторы «стандартные» дивизии.

³⁰ Встречаются и другие цифры: от 50 до 100 тысяч человек. Дело в том, что война на Западном фронте перестала быть столкновением конкретных частей и соединений. Теперь она подчинялась законам больших чисел. Операция начиналась, и в орбиту ее постоянно вовлекались новые части, а соединения, понесшие большие потери, отводились в тыл, пополнялись и вновь отправлялись на фронт – в полосу наступления или на спокойный участок. В таких условиях практически невозможно выделить силы, задействованные именно в этом наступлении, на фоне всех остальных, ведущих «беспокоящий огонь» или «способствующих продвижению войск». То же касается и потерь. В сущности, вся статистика позиционных наступлений на Западном фронте – результат некоторого усреднения.

³¹ Высотой 12 метров. *«Местность вокруг деревни Неф-Шапель очень однообразна, она представляет собой унылую равнину, используемую для пахотного земледелия и испещренную узкими протоками и канавами со стоячей водой, над которой возвышаются только груды породы из местных угольных копей, неясные очертания хребта Вими на юге и отстоящий примерно в миле (1,6 км) от немецких траншей длинный горб хребта Оберс Ридж. Сегодня трудно не заметить заросший деревьями и застроенный домами хребет Оберс Ридж. Однако в 1915 году любое повышение местности приобретало огромную важность, и бои на Ипрском выступе доказали это. Хребет Оберс Ридж обеспечивал немецкой артиллерии расположение на возвышенной позиции, с которой было удобно вести наблюдение и которая перекрывала дорогу к Лиллю, а также выход на равнину Дуа; овладение этим хребтом было бы в высшей степени полезным».* Н. Робин «Генералы Великой войны. Западный фронт 1914 – 1918». М., 2005.

Десятого марта после короткой артиллерийской подготовки английские и индийские солдаты перешли в наступление и в течение часа овладели деревней, прорвав очень тонкий немецкий фронт, но на очень узком участке (1,5 км).

Сама местность во Фландрии настраивала немцев на создание не столько сплошной линии обороны, сколько замаскированных опорных пунктов, огонь которых блокирует продвижение противника.

Прорыв был совершен в 9 часов утра, но только в 14.45 командиры корпусов (4-го и Индийского) получили от Д. Хейга директиву, в которой он требовал немедленного движения вперед. Британские батальоны начали движение ближе к шести часам вечера, и немцы уже успели перегруппироваться и подтянуть ближайшие резервы. Начало темнеть, и операция сама собой остановилась.

Немцы действовали быстро, и за ночь они развернули в районе Неф-Шапелья около двадцати свежих батальонов. Огонь немецкой артиллерии нарушил все линии связи между наступающими английскими корпусами и армейскими тылами, в сгустившемся тумане британская артиллерия не могла «нащупать» ни германскую артиллерию, ни пехотные траншеи новой германской линии обороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.